

И В А Н П О Г О Н И И

По следам
фальшивых денег

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Д Е Т Е К Т И В

Иван Погонин

**По следам фальшивых
денег (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погонин И.

По следам фальшивых денег (сборник) / И. Погонин — «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-093295-5

1913 год. В Департамент полиции МВД Российской империи приходит письмо из Пруссии, в котором некто Франц Герлицкий, владелец трактира на границе с Россией, сообщает, что готов за вознаграждение разоблачить сеть распространителей фальшивых денег... Полицейские приступают к расследованию. Сначала следы приводят их в Париж, а потом – на берега Амура, в Благовещенск. Именно туда потянулась ниточка, ухватив которую чиновник для поручений Мечислав Николаевич Кунцевич и его правая рука сыщик Осип Тараканов размотали целый клубок преступлений...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093295-5

© Погонин И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Ограбление в Гостином дворе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Погонин

По следам фальшивых денег (сборник)

Ограбление в Гостином дворе

Пролог

Международный курьерский поезд Гамбург – Париж прибыл в столицу Франции точно по расписанию. Как только он остановился, из спального вагона на платформу Gare du Nord вышел ассистент¹ нарвской криминальной полиции Йозеф Клопп². Это был сорокалетний поджарый мужчина, одетый в дорогой костюм последней моды и мягкую летнюю шляпу. Мужчина обернулся и подал руку жене. Очутившись на дебаркадере, супруги стали вертеть головами и вскоре увидели тех, кого искали. К ним спешил невысокий плотный усач лет шестидесяти пяти, за которым едва поспевала пятидесятилетняя стройная дама.

– Осип Григорьевич! – Усач, улыбаясь во весь рот, обнял Клоппа, после чего поцеловал ручку его супруге. – Баронесса! Ну наконец-то! Как мы рады!

Мужчины еще раз обнялись, а дамы расцеловались.

– Как доехали? – спросила супруга встречающего.

– Это какой-то кошмар! – Та, которую усач назвал баронессой, скривилась. – Мы попали в шторм, нас так качало, так качало, я думала, что мы не доплывем!

– Настя, капитан говорил, что качка была всего три балла, нам абсолютно ничто не угрожало, – улыбнулся Осип Григорьевич.

– Врал твой капитан, врал, чтобы пассажиров успокоить. Сейчас же сдай обратные билеты. Домой поедет только на поезде!

– Это же сколько надо будет делать пересадок! В два раза дольше получится. И дороже во столько же. В конце концов, я на службу опоздаю.

– Лучше проведем лишние пару суток в пути, зато будем уверены, что доедем живыми. А на службу телеграмму пошлешь, скажешься больным. Сдавай, я сказала! Мечислав Николаевич, где тут можно сдать билеты на паром?

– Все, все покажу, обо всем расскажу, не волнуйтесь. Я специально выхлопотал у себя в конторе на сегодня отпуск, чтобы быть вашим чичероне. А почему Иван Осипович не прибыл?

– У Иогана Йозефовича экзамены, – ответил Клопп. – Да он и сам не захотел. «Мне, – сказал, – с вами неинтересно будет всякие картины да скульптуры разглядывать».

– Что ж, вы его одного дома оставили? – ахнула жена Мечислава Николаевича.

– Одного. Парню шестнадцать лет. Я в его годы уже служил.

– Я так переживаю за мальчика, Татьяна Федоровна, так переживаю! – Баронесса поднесла к глазам платочек.

– Ничего с ним не случится, – повторил господин Клопп. – Мечислав Николаевич, командуйте!

¹ Ассистент – должность в эстонской криминальной полиции, аналогичная должности оперативного уполномоченного уголовного розыска.

² Йозеф Клопп, он же Осип Григорьевич Тараканов. См. о нем в произведениях И. Погонина «Экспедиция в рай», «Сыскающая одиссея» и др.

Кунцевич велел таксисту вести их на rue du Helder, где в доме 8 размещался Hotel du Tibre.

– Я всегда в этом отеле останавливался, когда бывал в Париже по службе. Отличные номера и великолепный сервис, за весьма умеренную плату – что еще нужно туристу? С этим отелем, господа, у меня связаны самые теплые воспоминания.

– Знаю я твои воспоминания, – пробурчала Татьяна Федоровна. – Блондинки да брюнетки.

Бывший сыщик ничего не ответил, только покачал головой.

После того как гости французской столицы вошли в номер гостиницы, чета Кунцевич стала раскланиваться:

– До вечера, Осип Григорьевич, только до вечера. Сейчас располагайтесь, разбирайте багаж, обустраивайтесь, отдохните с дороги, а в семь мы с Татьяной Федоровной за вами заедем и повезем вас обедать.

После обеда, который по времени больше соответствовал русскому ужину, Клоппы поехали в гости к Кунцевичам. Жил бывший чиновник департамента полиции в хорошо обставленной трехкомнатной квартире на rue Jobbé Duval.

Хозяева и гости расположились с бокалами в гостиной.

– Ну-с, какие планы на завтра? – спросил Мечислав Николаевич.

– У меня каждая минута в Париже расписана. – Анастасия Александровна достала из ридикюля записную книжку. – В Ревеле я купила прекрасный, еще довоенный путеводитель, во время дороги его внимательнейшим образом изучила и составила график осмотра города. В Париже я не хочу терять попусту ни одной секунды.

– Вот что значит немецкая педантичность! – усмехнулся Кунцевич. – Получается, что мои услуги вам не требуются?

– Ну почему же? Если это не будет вас затруднять, мы с большим удовольствием и благодарностью воспользуемся ими. Тем более что с момента издания справочника многое могло поменяться. – Баронесса фон Клопп вопросительно посмотрела на хозяина.

– Вы даже не представляете, как много здесь изменилось после войны. Завтра же я куплю вам новейший путеводитель. К сожалению, все две недели вашего визита я сопровождать вас не смогу – служба-с, но каждое воскресенье я ваш покорный слуга.

Когда дамы перешли на разговоры о последних веяниях французской моды, мужчины вышли на балкон и уселись в шезлонги. Тараканов закурил, Кунцевич сделал большой глоток из бокала.

– А все-таки наш эриванский коньяк лучше французского, – сказал он, чмокнув губами. – Вот только нет его здесь, не сыщешь. – Бывший полицейский грустно вздохнул: – Ну, Осип Григорьевич, как жизнь, как служба?

– Служу-с, не тужу. Жалованье хорошее, у нас в Эстонии полиции плохо платить нельзя. Сын в последний класс гимназии перешел, жена учительствует, дом купили, кур завели. Счет в банке. Все хорошо. – Клопп вздохнул. – Ну а то, что имя пришлось поменять, так что ж теперь. Для своих я все равно Оськой Таракановым³ остался. Ну, а вы как?

– У меня тоже все отлично. Правда, коммерсант из меня не вышел, и магазин я свой недавно продал. Поступил в одну фирму, бухгалтером, но это так, больше от скуки, чем для денег, деньги, слава богу, есть. Служу, хожу по бульварам, сижу в кафе, пью коньяк, книжки читаю. Кстати, о книжках! Я сейчас. – Мечислав Николаевич встал, сходил в комнату и вернулся с небольшой книгой в мягком переплете. – Вот-с, не приходилось читать?

³ О причинах перемены имени Осипа Григорьевича читатель может узнать из книги Ивана Погонина «Экспедиция в рай».

Тараканов взял томик в руки. «Аркадий Кошко. Записки русского Шерлока Хольмса» – прочел он на обложке.

– Аркадия Францевича?

– Да, его. Лично подарил, вот-с, полюбуйтесь – с автографом.

– Жаль старика, мало пожил.

– Да... Он же был на три года моложе меня. А что вы хотели – жизнь-то у него была не сахар. Остался со всей семьей без всяких средств, принужден был служить простым приказчиком. Сильно переживал по этому поводу. Чтобы как-то свести концы с концами, рассказы стал писать, его в газетах печатали. Мы, кстати, с ним из-за его рассказов сильно поссорились.

– Из-за рассказов? – Тараканов улыбнулся. – Что же в них не так?

– Зря, зря вы, Осип Григорьевич, улыбаетесь! – вскипел Кунцевич. – Тут нет ничего смешного. Вот-с, вот-с, полюбуйтесь!

Он открыл книжку и с ехидством в голосе стал читать:

– Чиновнику К., о котором я упоминал уже в деле об убийстве Тиме, было поручено и дело Гордона. Промучившись тщетно с месяц, он, расстроенный, явился ко мне за советом. «Попробуйте, – сказал я ему, – позондировать почву в Южной России. Раз ходят слухи, что тут орудовали греки, то попытайтесь поискать в Ростове-на-Дону, в Кишиневе, в Одессе...» Вот, видите, видите, что он пишет: «Явился ко мне за советом...» Это я-то к нему за советом! Да он сам ко мне постоянно советоваться ходил! К тому же, когда Гордона обнесли, он в Питере не служил, он уже в Москве сыском командовал!

– Успокойтесь, Мечислав Николаевич. Ну подумаешь, перепутал Аркадий Францевич, кто к кому ходил за советом, немудрено, лет-то сколько прошло!

– Нет, он специально так написал, специально. За советом!.. По-другому все было.

* * *

– Барин, барин, проснитесь, вам со службы телефонируют.

Просьпаться жутко не хотелось. Лег он вчера поздно, да и с коньячком ошибся, понадеявшись на неприсутственный день и возможность выспаться. Чертыхаясь, Кунцевич встал с постели, долго искал ногами туфли, не нашел и босиком пошлепал к телефону.

– У аппарата.

– Мечислав Николаевич, это Филиппов. Берите извозчика и езжайте в Гостиный двор. Низ Зеркальной линии, сорок шестой номер. Ювелирная торговля Гордона. Кража, говорят, чуть ли не на полмиллиона. Я уже выезжаю.

Через полчаса Кунцевич был на месте. Он поздоровался с курившим на улице полицмейстером Келлерманом и зашел в галерею. Дверь в магазин Гордона была открыта. Дежурный сыскной надзиратель, прибывший на место происшествия раньше всех, стоял у входа вместе с околоточным и двумя городовыми.

– Ты почему, Никифоров, место происшествия не осматриваешь?

– Дык господин следователь не пускают, велел нам всем здесь стоять.

«Бойтесь Середа, чтобы чего-нибудь к рукам наших орлов не прилипло. И правильно бойтесь», – подумал Кунцевич и вошел в магазин.

От вспышки подожженного полицейским фотографом магния чиновник на мгновение ослеп. Когда глаза вновь обрели способность видеть, он, поздоровавшись с присутствующими, оглядел помещение. В магазине царил полный разгром: стеклянные шкафы и витрины были не только опустошены, но и перевернуты. На полу там и сям валялись серебряные портсигары, ложки и солонки. В кирпичной перегородке, отделявшей торговое помещение Гордона от соседней писчебумажной лавки, было проделано отверстие, через которое без труда пробрался бы человек средней комплекции.

Кабинет хозяина располагался в глубине магазина и был так мал, что там смогли разместиться только письменный стол и несгораемый шкаф. Ящики стола оказались взломанными, а на боковой стенке шкафа зияла выплавленная дыра, примерно в четверть квадратного аршина. Рядом с сейфом валялись два коловорота, фомка и два рашпиля.

За столом сидел сам владелец. Обхватив голову руками, он раскачивался на стуле и бормотал что-то на своем родном языке. Рядом с владельцем стоял фельдшер, который на немой вопрос Кунцевича отрицательно помотал головой.

Коллежский ассессор вышел из кабинета и увидел, что Середа уже успел выпроводить из магазина фотографа и теперь диктовал своему письмоводителю протокол осмотра места происшествия.

– Виктор Николаевич, вы Филиппова не видели?

– Я здесь, Мечислав Николаевич. – Голос начальника звучал из соседнего магазина сквозь дыру в стене. – Идите к нам!

В соседней лавке кроме Филиппова находились ее хозяин – купец второй гильдии Воронов, и помощник начальника сыскной Маршалк.

Когда Кунцевич зашел в магазин, Филиппов сказал лавочнику:

– Вот, Александр Иванович, познакомьтесь – коллежский ассессор Кунцевич, будет непосредственно заниматься этим делом. Поговорите с ним. Мечислав Николаевич, а вы, как с Александром Ивановичем закончите, побеседуйте с ювелиром, я думаю, он к этому времени отойдет.

– Слушаюсь.

Филиппов с Маршалком вышли, Кунцевич повернулся к Воронову:

– Ну, милейший, рассказывайте.

– Я же только что...

– А придется повторить. Сначала мне, потом следователю, потом на суде, коли мы злодеев найдем, – сказал Кунцевич.

– Ну раз так надо... Видите ли, сегодня мой магазин работать не должен был, Троица, праздник великий. Вчера закрылся пораньше, пришел домой, отобедал, всю ночь отстоял, думал сегодня выспаться. А тут такое. В половине девятого телефонируют, приезжайте, вас ограбили! Я на извозчика – и мухой сюда. Дверь в лавку – нараспашку. В лавку зашел, а там темнота. На дворе белый день, а у меня в лавке – темно. Смотрю на окно, а оно какой-то зеленой клеенкой завешено. Я клеенку снял, обернулся, мать честная! В стенке – дыра. Ну, я все сразу и понял. Больше и сказать нечего.

– Понятно. Много у вас народу служит? – спросил Кунцевич.

– Да вдвоем справляемся. Я и приказчик.

– Приказчика на праздник отпустили?

– Ну да, в деревню. Он из Петербургского уезда. Я разрешил ему завтра к десяти приехать. Завтра Духов день, тоже никакой торговли.

– А кто вам телефонировал?

– Не знаю, кто-то из сторожей, не помню.

– Вы вчера во сколько торговлю закончили?

– Около пяти вечера, я же говорю, хотел всю ночь отстоять, надо было подготовиться.

А приказчика я еще раньше отпустил, в двенадцать.

– Много ли было покупателей?

– Да как обычно. Чтобы сразу – так два-три человека, три посмотрят, один купит.

– Позвольте осмотреть ваш магазин? – спросил Кунцевич.

– Мой? А зачем? Впрочем, осматривайте, конечно.

Лавка Воронова по площади уступала магазину Гордона раза в три.

– Александр Иванович, я у входа заметил номер вашего магазина. Почему он с литерой? Почему у вашего соседа справа – сорок пять, у Гордона – сорок шесть, а у вас – сорок пять «А»?

– Дело в том, что раньше моя лавка и магазин господина Гордона были одним помещением, которое занимало дамское ателье. Потом ателье съехало, и из одного помещения сделали два – дверь в разделяющей стене заложили.

Магазин Воронова состоял из торгового помещения, закутка-кабинета хозяина и комнаты-склада. С окна торговой залы свешивалась новенькая зеленая клеенка. Кунцевич подошел к пролomu и осмотрел кладку. Она была в полкирпича. Заглянув в дыру, коллежский асессор увидел перед своим носом лаковые штилеты следователя.

– Виктор Николаевич, тут клеенку мазурики на окне оставили.

– Изыму, изыму, Мечислав Николаевич. Сейчас здесь протокол допишем и к вам перейдем.

Кунцевич обернулся к Воронову:

– Александр Иванович, я увидел у входа в ваш магазин деревянные ставни. Вы их вчера запирали?

– Нет-с. Всегда запираю и вчера хотел, но когда стал закрывать, увидел, что одна петля из стены вырвана. А плотника звать уже некогда было, домой торопился. Я и не закрыл. Но сторожа предупредил, чтобы смотрел в оба.

– Так-с. А замочек у вас в двери плевенький.

– Да. На ставнях замок навесной, хороший. А в двери действительно дешевый, я все больше на ставни полагался. Да и не лезят воры в писчебумажные магазины. Наш товар сбыть нелегко. Мы сами его сбываем ни шатко ни валко.

– Ну что ж, спасибо. Я вас попрошу все, что вы мне сейчас рассказали, написать собственноручно. Сверху поставьте адрес и номер телефона. Я буду у Гордона. Когда напишите, будьте любезны, занесите мне написанное, а потом можете быть свободны. Все равно с такой дырой никакой торговли у вас сегодня не будет.

– А как быть с магазином?

– А что магазин?

– Ну как же, дверь я закрою, а пролом-то останется. Позвольте, я каменщиков приглашу, они вмиг все заделают?

– Нет, пока нельзя. Мы должны сначала все осмотреть и описать.

– Ну тогда я подожду.

– Воля ваша.

* * *

Когда Кунцевич вышел в галерею, в Гостиный двор зашел полицейский надзиратель Игнатъев:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– И тебе здравия, Петр Михайлович, а то вид у тебя уж очень нездоровый! Морда – как будто на ней овес молотили, – заметил Кунцевич.

– Так сегодня день должен был быть неприсутственный, вот вчера и позволил себе...

– Ну ладно, пойдем со мной в контору двора, купцов попытаем.

* * *

В конторе по случаю Троицы никого не оказалось. Старосты артели сторожей тоже на месте не было. Вся их ночная смена столпилась у запертых дверей конторы и гудела вполголоса. Когда Кунцевич и Игнатъев приблизились к сторожам, гул сразу смолк.

– Как же это вы, братцы, такую кражу прошляпили? – укоризненно спросил чиновник для поручений.

Сторожа молчали.

– Кто по Зеркальной линии сегодня ночью дежурил?

И на этот вопрос ответа не последовало.

– Не хотите со мной разговаривать? Или стесняетесь? Игнатьев, сходи-ка, братец, вниз, кликни пяток извозчиков, подряди их за казенный счет до Офицерской, мы этих молчунов сейчас в сыскную повезем, там будем их разговаривать учить.

В толпе сторожей послышался гул.

Черный как смоль сторож с бородой-лопатой закричал:

– Ванька, чего ты молчишь! Всех нас под цугундер подвести хочешь? Он воров упустил, ваше благородие, этот вот, Ванька Зотов. – Сторож взял за плечо паренька лет двадцати, стоявшего в заднем ряду, и вытолкал его вперед.

Кунцевич грозно посмотрел на парня:

– Ну рассказывай, Зотов!

– Дык я чего? Нешто я нарочно? Я наоборот! Ты-то, Фома, вовсе спал, я один всю галдарею обходил!

– Я спал? Да что ж ты врешь, гадина! Не верьте ему, ваше высокоблагородие. Я всю ночь глаз не смыкал. В ретирадник я отходил, по нужде, а не спал.

– Цыц всем! Зотов со мной, остальным никуда не расходиться.

Вышли на Невский. Мечислав Николаевич достал серебряный портсигар, раскрыл и протянул сторожу. Зотов к папиросе прикоснуться не решался.

– Кури, братец, кури. Я сам-то не курю, для приятелей держу, так что угощайся смело.

– Благодарю, барин. – Паренек взял предложенную папиросу, прикурил своими спичками и с наслаждением затянулся. – Табачок-то у вас больно хорош!

– Плохого не держим. Ну, рассказывай.

– Стало быть так. Фома с Микитой спать завалились. А мне говорят: «Ходи, Иван, да гляди в оба». Ну, я и ходил. Тем более мне и не спалось. Я к вашим ночам не привык ишшо. Какая же это ночь? У нас в деревне ночью темно, а в Питере книжку можно читать без свечи, коли грамотный.

– Давно из деревни?

– На Красную горку и приехал. Земляк в артель устроил, старый он уже, на покой собрался, а меня, стало быть, на свое место.

– Понятно. Новенький. Старые-то сторожа небось измываются?

– Не то чтоб измывались, но работы у меня поболее, чем у них. И сплю меньше, и верчусь больше, и за «сороковками» им бегаю, а дохода, почитай, нет.

– Как это нет?

– Дык забирают все заработанное. На залог я денег занял. Вот «катию» отдам, тогда и буду жалованье получать, а пока только за одни харчи стараюсь.

– Тяжело тебе. Ну да ладно, хватит жалиться, давай про утро сегодняшнее рассказывай.

– Ну так вот. Часов в восемь это было.

– Постой, откуда знаешь, что восемь часов, у тебя часы есть?

– Нет, на часы ишшо не заработал. Когда я Суконную галдарею обходил, на башне часы восемь пробили. Ну обошел я эту галдарею, свернул на Зеркальную и вижу: идут мне навстречу три барина. У каждого барина – по большому... – Сторож замаялся. – Не знаю, как назвать, ваше высокоблагородие. И чемодан, и не чемодан... такие, из кожи. Доктора с ними ходят.

– Саквояж?

– Вот, сывквяш, точно! Только у докторов эти вояши маленькие, а у тех господ большие, поболее иного чемодана будут. Стало быть, вышли из лавки, пошли в мою сторону, со мной

поравнялись, один и спрашивает: «На Невский мы правильно идем?» Я им, да, дескать, верно, ну они и пошли далее. Они в одну сторону, я в другую. К лавке бумажной подошел и тут вспомнил, что хозяин просил за ней приглядывать, ставни на ней сломались, и закрыл он ее на один только дверной замок. Я дверь подергал, а она и открылась. Я внутрь заглянул, мать честная! Окно занавешено, а в стенке дыра виднеется. Я оборачиваюсь – тех господ и след простыл. Я на Невский выбежал, в одну сторону посмотрел, в другую, нет никого. Видать, на извозчика сели. Я бегом всех будить, все всполошились, бегают, орут, а толку нет. Потом старшой приказал нам всем у конторы собраться и полицию ждать. Ну мы и ждали. Вот и все, барин.

– Понятно. А как те господа выглядели?

– Ды я их не рассматривал. Чернявые какие-то, навроде жидов, но не жида.

– Это ты почему решил?

– Носами они на жидов не особенно похожи.

– Может, кавказцы или греки?

– Может и греки, не знаю, я греков отродясь не видел.

– А одеты как?

– Как? Как господам положено, в спинжаках да шляпах. Ну вроде как вы.

– Понятно. Ты где живешь?

– Так артель наша на этом дворе и обитает. В подвале у нас комнаты приспособлены.

– Игнатъев, – повернулся Кунцевич к полицейскому надзирателю, – запиши-ка его рассказ да других сторожей поспрашивай, если чего путное услышишь, тоже запиши. Пиши побольше. Чувствую, глухое это дельце, поэтому чем больше мы бумаги испишем, тем легче нам потом будет перед начальством оправдываться.

* * *

Гордон пришел в себя, но продолжал держаться за голову, раскачиваться и причитать: «А зохен вей, зохен вей!»

– Владимир Алексеевич, разрешите представиться – коллежский ассессор Кунцевич. Мне поручено искать ваше имущество.

– В том-то все и дело, милостивый государь, что это не мое имущество! Не мое!

– Как не ваше?

– Вы что думаете, если бедный еврей торгует золотом и бриллиантами, то все это золото и бриллианты его? Нет! Мое здесь только серебро, а оно на месте! Я не был богачом, а теперь я нищий! Даже если я продам все, что у меня есть, я не смогу рассчитаться! Меня посадят в долговую яму! Я всю оставшуюся жизнь просижу в этой яме! Что будет с моими детьми? Как вы думаете, что будет с моими детьми?

– Владимир Алексеевич, успокойтесь, в наше время в долговые ямы уже не сажают. Не ваши вещи, говорите? А чьи же тогда?

– Чьи вещи? Вещи очень серьезных и хороших людей. Эти люди мне доверяли. Они сказали – Зеев! Вот наши вещи, делай свой маленький гешефт. Я взял их товар под вексель, я торговал, я делал свой гешефт, я кормил семью. А теперь нет ни товара, ни денег, остались одни векселя. А по ним надо платить, очень скоро надо платить. А зохен вей!

– Владимир Алексеевич, послушайте меня. Я буду искать ваши вещи. И постараюсь их найти. Я приложу все силы. Я опытный полицейский. Прослужил уже почти двадцать лет и за это время много чего нашел. Но! Вы должны мне помочь. Если вы мне будете помогать, я найду ваши вещи. Если не будете, то найти их будет очень тяжело, практически невозможно.

– Я все понял. Сколько?

– Кхм. Я имел в виду совершенно не это. Хотя бюджет сыскного очень невелик, и деньги на расходы по розыску не помешают. Но, повторяю, я говорил не о деньгах. Знаете, как мы ищем воров? Мы их ищем по вещам. Ведь они украли ваше золото и бриллианты не для того, чтобы ими любоваться, а для того, чтобы их продать, а деньги потратить. Вы знаете, когда я бывал в Гостином, я всегда останавливался около вашей витрины и любовался выставленными там вещами. Ах, какие это были вещи! Ведь среди них не было и двух одинаковых?

– Конечно, не было, вы что? Это же не фабричные изделия для плебса. Это настоящие произведения искусства!

– Это очень хорошо. Поэтому второе, что вы должны сделать, – это составить самую подробную опись похищенного. С указанием всех примет, всех нюансов, по которым можно узнать, что вещь украдена именно у вас. Привлеките хозяев вещей и сделайте это как можно быстрее. Ну а первое, что вы должны сделать – это ответить, как можно подробнее на мои вопросы.

– Так спрашивайте скорее!

* * *

На совещании, проходившем в кабинете Филиппова, присутствовало все руководство сыскного отделения. Докладывал Кунцевич:

– Общая стоимость похищенного составляет более чем двести пятьдесят тысяч рублей. Из несгораемого шкафа украли две с половиной тысячи рублей наличными, саквояж с необработанными бриллиантами на тридцать восемь тысяч и несколько особенно ценных коле, брошей и других изделий. Из витрин и оконной выставки – две дюжины золотых часов, десятков золотых портсигаров, десятки колец, браслетов и брошек. Одного золота украдено пуд с четвертью. Большую часть похищенного Гордон брал у других ювелиров под векселя, расчет по которым должен был состояться после реализации. Самый крупный его поставщик-кредитор – известный брильянтщик Анисимов. Сегодня вечером он уже побывал в Гостином и излазил весь магазин.

– Чего искал? – спросил Филиппов.

– Я так понимаю, проверял, не Гордон ли украл у себя бриллианты.

– А вы, Мечислав Николаевич, что по этому поводу думаете?

– Это направление в розыске отбрасывать нельзя, тем более что все серебро, принадлежащее лично Гордону, оказалось в целости. Но все-таки я в инсценировку не верю. Во-первых, имущество не застраховано. Если бы Гордон задумал обокрасть сам себя, то непременно купил бы страховой полис. Получив по нему деньги, он мог рассчитаться по векселям и надеяться на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество со своими поставщиками. Теперь же они против него ополчатся, и больше товар под вексель дать не захотят. Ну а во-вторых, уж очень он удручен случившимся, его увезли из магазина на карете «Скорой помощи». Во время беседы с ним я притворства не заметил. Впрочем, может быть, он великолепный артист.

– А почему он имущество не застраховал, не спросили?

– Спросил, но ответа вразумительного не услышал. Но судя по тем сведениям, которые я о нем собрал, полис он не купил из-за скупости.

– Скуп?

– Чрезвычайно. Приказчиков в черном теле держит. Прекрасно знал, что дверь между его магазином и лавкой Воронова заделана кое-как, а синенькую каменщику на переделку пожалел. В пятом году, во время смуты, почти все гостинодворцы провели к себе в магазины электрическую сигнализацию, которая срабатывала при открытии окон и дверей. Гордон тоже провел. Но когда волнения успокоились, большинство проведших сигнализацию платить за ее обслу-

живание отказались. В результате в половине лавок она бездействует. Не платил за сигнализацию и Гордон.

– Понятно-с. Ну господа, у кого какие будут мысли?

Поднялся Маршалк:

– Разрешите, Владимир Гаврилович?

– Прошу вас, Карл Петрович.

– Благодарю. Я считаю, что надобно проверить по адресному столу всех выбывших сегодня из столицы, особо обратив внимание на поляков. Уроженцы Царства Польского славятся такими проделками, кроме того, мы недавно получили сведения о приезде в столицу целой шайки этих господ. Еще надо приказать агентам проверить меблированные комнаты, все на тот же предмет.

Филиппов посмотрел на Кунцевича:

– Что скажите, Мечислав Николаевич?

Несмотря на то что Маршалк честно пытался вникнуть во все тонкости сыска, не считал зазорным просить чиновников объяснить ему что-то непонятное и должностное превосходство свое никак не выпячивал, Кунцевич испытывал к нему глухую неприязнь.

В начале мая Филиппов задержал его после утреннего совещания.

– Мечислав Николаевич, вы, наверное, уже слышали, что у меня скоро будет новый помощник – некто Маршалк, бывший псковский полицмейстер?

– Нет, не слышал.

– Я ратовал за вас. Привел кучу доводов. И о ваших успешных расследованиях рассказывал, и о том, что вы меня уже дважды замещали и справились замечательно. Но вас не утвердили. Вы же в свое время взыскания имели. Арест отбывали, увольняли вас без прошения...

– Так это было почти двадцать лет назад! Меня с той поры ни разу не наказывали, только награждали, у меня более десятка поощрений!

– Поощрения – поощрениями, а формуляр у вас все равно замазан. Да и хлопотали за Маршалка.

– Так бы сразу и сказали.

– Я ничего сделать не мог, вы не обижайтесь.

– На обиженных воду возят, Владимир Гаврилович. А обижаться мне действительно некогда. Разрешите идти, делом заниматься?

– Ну вот...

Кунцевич ответил:

– Простите, Карл Петрович, а вы не знаете, сколько человек в день выписывается из столицы?

– Признаться нет, не знаю.

– Около пяти тысяч. В день. Это в среднем в течение года. Летом гораздо больше. А если они выписались накануне? Или выпишутся завтра? В таком случае надобно проверить пятнадцать – двадцать тысяч человек, а это – год работы всему сыскному. И потом, может, они вовсе в столице не прописывались? Приехали, поселились где-нибудь на островах у знакомого без прописки, дело сделали и уехали. Что же касается меблирашек, то это тоже, по-моему, пустая трата времени. Их в столице много, а народу у нас мало.

– Ну а вы что предлагаете? – спросил Филиппов.

– По моей просьбе Гордон предоставил подробнейшую спецификацию пропавших вещей. Его приказчики постарались. В описи не только перечислены все пропавшие ценности, но только указан точный вес металла и камней каждой из них, но весьма искусно все вещи и

нарисованы. Кстати, на большинстве драгоценностей имеются отметки «З. Г.» – клеймо ювелира Гутмана, мастерская которого изготовила основную часть похищенного. С места также были изъяты воровские инструменты. Я их показал нашему главному специалисту по шниферам и их гитарам⁴. – Кунцевич указал на скромно сидевшего в дальнем углу кабинета начальника летучего отряда Петровского. – Леонид Константинович осмотрел инструмент и сказал, чей он. Это работа некоего Андриадаки, греческого подданного, проживающего в Ярославле, Леонид Константинович там с ним и познакомился. Андриадаки раньше был отчаянным взломщиком, но сейчас по старости от дел отошел и занимается изготовлением инструмента. Первостатейный мастер, славится не только в империи, но и за границей.

– За всю Европу говорить не буду, но в Австро-Венгрии точно, – вставил со своего места Петровский.

Кунцевич продолжил:

– Игнатъев нашел извозчиков, отвозивших троицу от Гостиного двора. Грабители наняли две пролетки без ряды⁵ до Николаевского вокзала.

– Полагаете, уехали? – поинтересовался начальник.

– Скорее всего, уже уехали, но не утром и не с Николаевского. Господа эти – люди опытные. К краже готовились долго. Об этом говорит и набор инструментов, и то, что они знали о заделанной двери, и то, что ставню нарочно сломали, чтобы Воронов ее не закрыл. А на двери такой замок, который даже я за полминуты перочинным ножом открою. А раз люди опытные, то знали, что мы допросим сторожей и найдем извозчиков. На Троицу, в восемь утра, когда большинство магазинов закрыто, их у Гостиного двора два-три стоит, и все сторожам известные. Могли сделать вид, что уезжают, чтобы мы их в городе не искали. Судя по описанию сторожа Зотова, работали гости с юга – армяне, бакинские татары, греки. Задумали и исполнили все блестяще: в предпраздничной толчее незаметно сломали ставень на двери в писчебумажном магазине, для этого достаточно петлю аккуратно фомкой поддеть. Вечером, после ухода Воронова, открыли лавку и затаились в ней до закрытия всего Гостиного двора. Ночью они разобрали стену в том месте, где раньше была дверь. Ограбили магазин, и утром, как только открыли двери галерей, ушли. Рассчитывали, что в Троицу в лавках никого не будет и кражу обнаружат только завтра. Если бы Зотов дверь не подергал, мы бы с вами сейчас не здесь сидели, а продолжали бы праздновать. А за сутки из столицы уходит несколько десятков поездов и пароходов. Да и доехать за это время можно аж до Берлина. Но мне кажется, что, несмотря на то что кража обнаружена сразу же, раскрыть ее «по горячим следам» не удастся. – Чиновник для поручений вздохнул: – Нам известен состав шайки – трое мужчин южной наружности. Я думаю, действовать надобно как обычно: с описи снять копии, с рисунков – фотографические снимки, немедленно разослать их по всем банкам, ломбардам и крупным ювелирным магазинам не только обеих столиц, но и всей империи. Дать надзирателям поручения послушать, что говорят о краже понизу. Послать кого-нибудь – я предлагаю Игнатъева – в Ярославль, к Андриадаки. Ну и ждать. Вещи рано или поздно всплывут.

Филиппов побарабанил пальцами по столу:

– Лучше бы рано. Мне уже телефонировали из разных высоких мест. Мечислав Николаевич, земля ваша, вы этой кражей и занимайтесь. Все, что сказали, – исполняйте. Алексей Иванович, – обратился Филиппов к делопроизводителю, – готовьте циркуляр о розыске вещей, всем чиновникам – напрямч надзирателей и агентов. Пусть обратят особое внимание на мазуриков с юга и на поляков, их мы все-таки со счетов сбрасывать не будем. Игнатъев пусть готовится в Ярославль, получает командировочные. За работу, господа.

⁴ Шнифер – вор, «специалист» по запертым хранилищам, гитара – воровской инструмент для вскрытия запертых хранилищ.

⁵ Без ряды – не торгуясь.

* * *

Андриадаки молчал. Не отпирался, не выдумывал разных историй, а просто молчал. Не отвечал ни на один вопрос. Игнатъев бился с ним три дня, потом, поняв, что старого вора разговорить никакими средствами не удастся, плюнул и вернулся в Питер. Сведений снизу получили минимум. «Обчество» шептало, что греки неплохо поднялись. Но что за греки и где их искать, выяснить не удалось.

А вскоре дознание по делу о краже у Гордона Кунцевичу и вовсе пришлось отложить, так как его вместе со всей сыскной бросили раскрывать другое, очень важное преступление – из библиотеки Зимнего дворца было вынесено множество ценного имущества.

По штату заведующему Императорскими библиотеками камергеру Щеглову полагалось два помощника, один из которых был старшим. Эту должность уже не один десяток лет занимал библиофил, член Кружка любителей русских изящных изданий, коллежский советник Леман. Должность второго помощника с 1905 года замещал герой последней войны подполковник Осташков. В сражении под Мукденом он был серьезно ранен в голову, долго лечился в Петербургском военном госпитале, к строю стал непригоден и за свои заслуги сразу после выписки был назначен в библиотеку.

По словам Осташкова, уже непосредственно после назначения на должность он заметил, что Леман «двуличный человек, занимающийся тайными делами». Осташков неоднократно докладывал об этом заведующему библиотекой, но тот, как впоследствии показывал Осташков, «находясь под влиянием оккультизма», оставлял эти заявления без последствий. На самом деле заведующий считал, что все эти жалобы – результат тяжелого ранения подполковника.

Но Осташков не успокаивался. Он лично стал следить за Леманом, вскрывал его стол, рассматривал содержимое случайно забытого кошелька и тому подобное.

Наконец удача улыбнулась отставнику. В мае 1908 года он нашел в письменном столе Лемана пять квитанций казенного ломбарда на какие-то медали.

Осташков долго добивался разрешения обзреть залогов, и только 7 июня ему это удалось.

Сопоставив заложенные медали с теми, что должны были храниться в Лобановском зале Зимнего дворца, настырный библиотекарь обнаружил, что одна из них – золотая медаль в память столетнего юбилея Министерства внутренних дел – заменена на позолоченную копию.

Осташков показал свою находку Щеглову, после чего заведующий библиотекой наконец-то ему поверил. Стали проверять другие медали и обнаружили, что поддельными заменены практически все. Доложили по начальству, и машина розыска завертелась.

Следствие выяснило, что Леман украл множество редких гравюр, литографий, золотых медалей, ценных книг, рукописей и акварелей. Ему даже удалось утащить из Зимнего дворца довольно внушительную золотую, украшенную бриллиантами крышку альбома с видами Константинополя, поднесенного Его Императорскому Величеству турецким султаном. Библиотекарь увел и восемь бриллиантов с портрета болгарского княжича Бориса.

Леман сразу же сознался в содеянном. Он рассказал о том, что в период с 1904 по 1908 год украл, а потом частью заложил, а частью продал на лом почти все собрание золотых медалей, принадлежавшее государю императору, подменив их позолоченными фальшивками. Так же он поступил и с некоторыми золотыми и платиновыми монетами из коллекции царя. Не отрицал он и кражу крышки с альбома и бриллиантов, снятых с портрета княжича. Он утащил золотой перстень с сапфирами, множество литографий, в том числе литографированных портретов царской семьи.

Всего от продажи похищенного Леман выручил более 20 000 рублей. Свое преступление Леман объяснял стесненными жизненными обстоятельствами.

После этих признаний практически весь личный состав сыскной стал рыскать по ломбардам, книжным магазинам и букинистическим лавкам, обыскивал квартиры частных лиц и присутственные места. Найденные раритеты свозили в Литейную часть. Смотритель полицейского дома хватался за голову, костерил на чем свет стоит сыскную и всех на свете библиотекарей, затем освободил одну из камер и велел складывать вещественные доказательства туда. Он учредил у этой камеры круглосуточный пост, дверь ее открывал и закрывал только собственноручно, а ключ от нее повесил себе на шею и не снимал его, даже когда ходил в баню.

Публика по делу проходила все интеллигентная, богемная, кололась быстро, поэтому концов обнаружилось столько, что Филиппов был вынужден начертить на большом листе бумаги целую схему и ежевечерне после совещания исправлял ее и дополнял, внося новые фамилии, адреса и названия книг, гравюр и монет. Несмотря на успехи, работы предстояло еще много.

* * *

Как-то после утреннего совещания Филиппов попросил Кунцевича остаться. Когда остальные чиновники покинули кабинет, начальник сказал:

– Мечислав Николаевич, по библиотечному делу надобно проверить одного человека. Тайный советник Кухарский Павел Викентьевич, член совета министра путей сообщения, известный коллекционер гравюр, литографий и иностранных книг. Осташков видел его несколько раз в кабинете у Лемана. Я думаю, неспроста он туда ходил. Кроме вас, эту проверку проводить некому. Сами посудите: Мишуку поручить? Он, конечно, чиновник способный, но будет переть на рожон. Алексееву, Петровскому, Бубнову? Эти и вовсе не годятся, им только мазуриков колоть. Тут ведь и происхождение важно, тайный советник с крестьянином совсем по-другому, нежели с дворянином, разговаривать будет. А породу он сразу увидит. А вы дворянин, потомственный, все тонкости политеса знаете. Да и Зимний в вашем районе, так что действуйте.

* * *

Тайный советник жительство имел в доме 9 по Забалканскому проспекту. Кухарский был не только чиновником особых поручений при министре путей сообщения, но и преподавал в ведомственном институте, в связи с чем ему и была положена казенная квартира.

Когда горничная проводила его в гостиную и пошла докладывать хозяину, Кунцевич огляделся и удивился, прямо скажем, небогатой обстановке. Готовясь к визиту, он узнал, что тайный советник обходился услугами горничной и кухарки, своего выезда не имел, занимал скромные четыре комнаты.

Все стены гостиной были увешаны литографиями и гравюрами, они висели так плотно, что невозможно было определить рисунок обоев. Ожидая хозяина, Кунцевич разглядывал картинки.

В комнату вошел высокий худой человек лет шестидесяти, с седой бородой. Одет он был по-домашнему – в короткий халат, просторные брюки и тапочки.

– Чему обязан? – несколько высокомерно спросил он.

– Ваше превосходительство, я коллежский асессор Кунцевич, чиновник для поручений сыскной полиции. Имею отдельное поручение судебного следователя Санкт-Петербургского окружного суда коллежского советника Александрова провести дознание по делу о краже из библиотеки его величества. Ваше превосходительство, я буду краток, насколько это возможно. У следствия есть веские основания полагать, что часть похищенных гравюр находится в вашей коллекции. В связи с этим мне поручено произвести у вас обыск. На улице ожидает участковый

пристав с городовыми. Целью обыска является отыскание похищенных гравюр и литографий. Я в искусстве не силен, поэтому буду вынужден изъять все гравюры и литографии, которые обнаружу в вашей квартире, естественно, с подробнейшей описью. Все изъятые я сдам следователю, а он пригласит сведущих людей, и они уже определят, что ваше, а что государя нашего императора. На это уйдет, я думаю, не более месяца-другого. Правда, из-за дефицита помещений вашим вещам придется находиться в одной из камер Литейной части, но там надежная охрана – стоит городской. Вы, конечно, можете жаловаться, но уверяю вас, что, во-первых, все в рамках закона, а во-вторых, когда украдены вещи самого государя, от ваших жалоб вам пользы не будет. Вред возможен.

Тайный советник буквально упал в кресло. Он вынул из кармана халата платок, вытер со лба капли пота и безвольно махнул рукой на соседнее кресло.

– Садитесь, не стойте... – проговорил он срывающимся голосом, а потом искательно спросил: – Скажите, а нет ли другого выхода?

– Конечно, есть, – ответил, усаживаясь в предложенное кресло, Кунцевич. – Вы добровольно выдаете все, я подчеркиваю, все, что вам продал Леман, даете честное слово, что больше ничего из похищенного не имеете, я составляю протокол без пристава, ну а понятыми запишем тех, на кого вы укажете.

– Дело в том, что Леман мне ничего не передавал, – тихо сказал тайный советник.

– Ваше превосходительство! – Кунцевич покачал головой.

– Дослушайте, пожалуйста. Так вот, Леман мне ничего не передавал. Ничего, что принадлежало бы не ему. Леман – коллекционер со стажем, и мы с ним действительно обменивались кой-какими экземплярами. Я был очень удивлен, когда узнал о краже. Он производил впечатление честнейшего человека. Но тем не менее в моей коллекции действительно есть кое-что из царской библиотеки. Но эти гравюры я купил. Купил в книжном магазине на Литейном. Его держит некто Мылов. Вы можете спросить у него. И только после того, как мне стала известна история с Леманом, я понял, что эти гравюры похищены.

– Простите, а как вы это поняли?

– Еще в тот момент, когда я покупал гравюры, я обратил внимание, что на них стоят штампы библиотеки. Но книжник уверил меня, что происхождение гравюр ему хорошо известно, что они принадлежат вдове академика Зичи. Я позже побывал у вдовы и купил у нее еще несколько аналогичных гравюр, после чего совершенно успокоился. Я подумал: ну мало ли откуда у академика гравюры со штампами царской библиотеки? Он мог их получить в дар, в награду, купить у библиотеки, наконец. Но потом всплыла эта история. Поверьте, я хотел вернуть гравюры добровольно, но побоялся ответственности.

– Скажите, а на тех гравюрах, что вы купили у вдовы академика, тоже были штампы?

– Нет, на тех не было.

– Ну хорошо. Наш уговор в силе. Несите гравюры, будем писать протокол. Пригласите свою прислугу.

– А зачем прислугу?

– Понятыми. Положено по закону не менее двум понятым присутствовать.

– А можно без дам? Видите ли... Гравюры носят характер весьма откровенный, и дамам, тем более моей прислуге, видеть их никак нельзя.

– Позвольте посмотреть.

Тайный советник сходил в свой кабинет и вернулся с большой картонной папкой. Внутри находилось восемь листов, переложенных тонкой калькой. Едва взглянув на верхнюю гравюру, Кунцевич тут же отвернулся.

– Да-с. Обойдемся, пожалуй, без понятых.

* * *

В книжном магазине на Литейном, 58 торговал сам хозяин. Определив в госте солидного покупателя, он рассыпался веером и по каждой книге, на которую гость обращал свое внимание, давал исчерпывающую справку.

Осмотрев несколько фолиантов, Кунцевич спросил:

– А нет ли у вас интересных гравюр?

– Вас что конкретное интересует?

– Французы, позапрошлый век – начало прошлого.

– Есть! Франсуа Буше, Фрагонар. Восемнадцатый век, состояние великолепное. Прекрасное вложение капитала, они дорожают буквально каждый день. Ну и, кроме того, это особенные экземпляры – с весьма легкомысленными сюжетами... что вы хотите, французы! Извольте взглянуть?

– Ну что ж, покажите.

Посмотрев на гравюру, Кунцевич поднял глаза на книжника:

– Скажите, любезный...

– Мылов, Федор Григорьевич, к вашим услугам.

– Федор Григорьевич, а у нас в отечестве такими изображениями разве дозволяется торговать?

– Даже не думайте сомневаться! У нас фирма солидная. Это же история! Вас же, например, не смущают нагие статуи в Эрмитаже?

– Статуи в Эрмитаже такими вещами, как на этой вашей гравюре, не занимаются! Вещица, конечно, интересная, но таковую надобно держать глубоко в сундуке, чтобы, не дай Бог, девице какой на глаза не попала. А впрочем, позвольте, я еще раз взгляну.

– Конечно, конечно!

Кунцевич аккуратно взял офорт и подошел к окну. На оборотной стороне гравюры красовался императорский орел и штемпель библиотеки Зимнего дворца.

– Вы знаете, я, пожалуй, возьму эту гравюру. Нет ли у вас таких же?

Обрадованный торговец выложил перед Кунцевичем еще один офорт. Орлы были и на нем.

– Это все?

– Да, было десять листов, но восемь я уже продал.

– Федор Григорьевич, а что, приказчиков у вас нет?

– Не держу-с, один справляюсь.

– Тогда закрывайте лавочку. – Кунцевич достал из бумажника свою полицейскую карточку и показал книготорговцу.

* * *

С книжником разговаривал сам Филиппов. Мылов уверял, что на штампы и орлов просто не обратил внимания и что гравюры имеют прекрасно известный ему источник происхождения – являлись частью коллекции покойного академика Зичи.

Филиппов усмехнулся:

– Вы хотите сказать, что член Академии художеств и персональный живописец трех последних императоров гравюры из своей коллекции снабжал штампами императорской библиотеки?

– Вовсе нет, просто человек, у которого я их приобрел, был другом его семьи, и я подумал, что вдова начала через него распродавать свою коллекцию.

– А кто вам их продал?
– Рундальцев, Михаил Викторович, он тоже академик, живописец, недавно прекрасно изобразил императора.

Филиппов достал из коробки сигару, не спеша закурил:

– Федор Григорьевич, о происхождении гравюр вы не знать не могли.

– Я не...

– Я вас прошу меня не перебивать. На листах отчетливо видны штампы императорской библиотеки. Вы, прежде чем купить гравюры, обязательно их проверяли на предмет подлинности, и просто не могли не заметить штампов. Значит, о краже знали. А за покупку краденого срок полагается.

– Я не знал.

– Ну, это вы присяжным рассказывать будете. Может быть, они вам и поверят. Хотите испытать судьбу?

– А что, этого можно как-то избежать? – Мылов посмотрел в глаза Филиппову.

Тот нимало не смутился:

– Если нельзя было бы, стал бы я с вами разговоры разговаривать? Конечно, можно. Мечислав Николаевич мне доложил, что протокола пока не составлял. У вас два варианта: мы сейчас пригласим понятых и оформим протокол. Или же дадим вам лист бумаги, и вы напишете объявление⁶: так, мол, и так, купил несколько гравюр, увидел на них государевы знаки – и сразу в сыскную, добровольно выдавать! Какой вариант выбираете?

– Конечно, второй. Для этого, видимо, понадобятся средства? Но у меня их не так много. Деньги все, знаете ли, в обороте, и вынуть их оттуда скоро нельзя. Но я могу товаром. У меня есть очень редкие дорогие книги!

– А кто тут говорил о деньгах? Денег нам с вас не надо, нам государева жалованья хватает. За второй вариант мы потребуем услуг иного рода. Вам надо будет встретиться с Рундальцевым и расспросить, откуда он взял гравюры. Согласны?

– Шпионить я не буду! – потупив голову, ответил книжник.

– А вас шпионить никто не заставляет. Вас просят узнать, кто подставил вашего товарища, кто продал ему похищенные у государя гравюры. Я вам даю слово, что мы сделаем все возможное, чтобы ни у вас, ни у Рундальцева в связи с этим делом не было никаких проблем. Ежели, конечно, вы оба не причастны к краже. Ну так как? Ночевать домой пойдете или в Спасскую часть?

Колебался Мылов недолго:

– Домой.

– Вот и хорошо. Я свое слово сдержу, в себе я уверен, а вот в вас нет, поскольку вижу вас в первый раз. Поэтому сделаем так. Протокол Мечислав Николаевич все же составит. Понятыми пригласим людей надежных, которые ни в жизнь не проболтаются. Протокол этот я положу в свой стол. Вместе с вашим объявлением. Когда поговорите с Рундальцевым, я при вас протокол порву. Вздумаете нас обманывать – порву объявление. И еще. Вы сейчас же должны сказать, кому продали другие гравюры.

* * *

Через три дня Кунцевич вновь зашел в магазин Мылова.

– Федор Григорьевич, добрый день! Как торговлишка? – весело поприветствовал сыщик книжника.

⁶ Объявлением в дореволюционном уголовном процессе называлось сообщение о преступлении, поступившее не от потерпевшего, а от иного лица.

Букинист скривился:

– Спасибо, ничего. Не будем тянуть кога за хвост. Разговаривал. Он приобрел гравюры у некоего Шлотгауэра, писца библиотеки Зимнего дворца.

– Вот как! – Кунцевич радостно присвистнул. – У Рундальцева остались еще какие-либо вещи, купленные у Шлотгауэра?

– Я не знаю. Во всяком случае, мне он больше ничего не предлагал.

– Ну что ж, Федор Григорьевич, как только я закончу дознание, мы опять встретимся и порвем протокол. Я надеюсь, вам не надо повторять, что все наши с вами разговоры должны остаться тайной, ведь прежде всего это в ваших интересах?

– Не надо, не повторяйте.

* * *

При обыске у Шлотгауэра нашли кое-какие мелочи из царской библиотеки. Несмотря на это и показания такого уважаемого свидетеля, как придворный живописец Рундальцев, Шлотгауэр вину свою отрицал. Это обстоятельство, впрочем, не помешало следователю выписать постановление о заключении Шлотгауэра под стражу.

* * *

5 июля 1908 года в столичную сыскную полицию поступила телеграмма от начальника сыскной части Ростова-на-Дону коллежского регистратора Блажкова, в которой последний сообщал о том, что ювелир Канторович доставил ему серьги и кольцо с бриллиантами, в точности совпадающие по внешнему виду с описанием и рисунками похищенных у Гордона. Установлено и лицо, отдавшее гарнитур на комиссию. Блажков просил указаний. В Ростов полетела телеграмма: «Принять меры к розыску другого похищенного Гордона имущества тчк чиновник сыскной выехал». Маршалк, заменявший находившегося в отпуске Филиппова, отправил в Ростов Кунцевича. Поскольку командировка получилась внезапной, прогонных, суточных и на путевые издержки коллежский ассессор не получил и ехать пришлось на свои.

– Я подготовлю ходатайство, Мечислав Николаевич, но его разрешение займет около недели, как только деньги получим, так сразу вам и вышлем, – виновато говорил помощник начальника сыскного отделения.

Кунцевич усмехнулся:

– Знаю я, как эти ходатайства разрешают. Вы уж, Карл Петрович, как деньги получите, так пошлите их телеграфным переводом, а не почтовым, у меня своих-то в обрез.

Чиновник для поручений заскочил домой, привычно собрал дорожный саквояж, облачился в новенький чесучовый костюм и канотье и помчался на вокзал.

Отправился он на скором, беспересадочном, со спальными вагонами. Поезд вышел из Петербурга в половине девятого вечера, и в половине девятого утра приехал в Москву.

В Первопрестольной поезд стоял три часа. На Земляном Валу Кунцевич нанял извозчика и приказал везти его в Большой Гнездниковский.

Начальник московской сыскной полиции Аркадий Францевич Кошко бывшему своему сослуживцу обрадовался, повел в ресторан, завтракать.

– Ну как Питер?

– Питер стоит, что ему будет. А Первопрестольная как?

– Ох, не спрашивайте, Мечислав Николаевич, не спрашивайте. По распоряжению Гарина из сыскной уволено 95 процентов личного состава⁷. Все расхлябано, преступления растут в ужасающей пропорции, а сотрудников у меня отобрали, и приходится их создавать заново в незнакомых для меня условиях. Но, кажется, тьфу-тьфу-тьфу, дело налаживается. А вы к нам какими судьбами?

– Я проездом в Ростов. О краже у Гордона слышали?

– Ну как же, все газеты пестрят. Ниточка появилась?

– Да, самый кончик.

– А я так и думал, что следы на юг приведут! Искренне желаю вам удачи!

Коллеги тепло распрощались.

Из Москвы поезд вышел в 11.45, а в шесть вечера следующего дня уже был в Ростове.

Выйдя на дебаркадер, Кунцевич стал оглядываться в поисках встречающих. Никого, похожего на полицейского, в округе он не заметил. В это время к вагону подбежал какой-то мастеровой – средних лет мужчина, в пиджаке, несвежей сорочке и без фуражки. Лицо у мужчины покраснело, дышал он тяжело.

– Господин Кунцевич?

– Да, это я, – сказал коллежский асессор, а про себя подумал: «Они что, писца встречать прислали, что ли? Совсем не уважают!»

– Разрешите представиться, ваше высокоблагородие, – заведующий сыскной частью Ростово-Нахичеванского городского полицейского управления, коллежский регистратор Блажков.

Кунцевич с подозрением уставился на говорившего.

– У меня и билет с собой есть. – Мастеровой стал лихорадочно рыться в карманах и наконец извлек потрепанный кусок картона. Столичный гость придирчиво сравнил оригинал с фотографией и только тогда поверил, что перед ним глава ростовских сыщиков.

– Яков Николаевич?

– Точно так-с, ваше высокоблагородие!

– Давайте без чинов. Зовите меня Мечислав Николаевич.

– Слушаюсь, ваше высоко... Мечислав Николаевич. Позвольте саквояжик?

От вокзала дорога поворачивала налево и вела в гору. Извозчик, непрерывно понукая лошаденку, повез их по Большой Садовой. Главная улица города произвела на Кунцевича приятное впечатление – широкая, мощеная, на панелях установлены электрические фонари, посередине – трамвайные пути.

– Где вы меня, Яков Николаевич, квартировать определили?

– Я думал, вы у меня остановитесь. Жена была бы рада. Она уже и стол накрыла.

– Я весьма рад вашему гостеприимству, но стеснять вас не буду.

– Вы ни в коей мере меня не стесните.

– Нет, нет. Я человек холостой, иной раз люблю покутить, у меня могут быть дамы. Ну не вести же их к вам? Поэтому везите меня в гостиницу. А в гости я к вам обязательно зайду. Как дела переделаем – так и зайду, отведаю стряпню вашей супруги.

– Понял-с. В какую гостиницу прикажите?

– А какую порекомендуете?

– Из тех, что в центре, – «Астория», «Нью-Йорк», «Москва», «Гранд-отель». Этот вообще на Большой Садовой.

⁷ В начале 1908 года сенатором Гариним была произведена ревизия московской полиции, в результате которой многие ее сотрудники лишились не только своих мест, но и свободы.

– Вот и давайте в «Гранд-отель». И сегодня никаких дел. Я более двух суток в поезде, надобно привести себя в порядок. Дела начнем завтра. Во сколько у вас присутствие начинается?

– В девять.

– Замечательно. Значит, в восемь тридцать жду вас у гостиницы.

Заняв трехрублевый номер, Кунцевич принял ванну, побрился, сменил сорочку и пошел в гостиничный ресторан ужинать.

* * *

Утром Яков Николаевич не опоздал. На этот раз он был в белоснежном летнем форменном кителе, фуражка тоже была на своем месте.

Чиновник для поручений поздоровался с начальником ростовского сыска, сел в его пролетку и, когда она тронулась, сказал:

– Ну, а вот теперь рассказывайте.

– Значит, так: циркуляр ваш получил своевременно, ориентировал всех чинов и агентов, разослал по участкам. Четыре дня назад ко мне явился ювелир Конторович и принес гарнитур с клеймом Гутмана. Ему же гарнитур принесла для продажи некая Антонина Лучина. Это личность в Ростове известная. Кафешантанная певичка, но не без таланта. Ну и красотой Бог не обделил. Такие дамы без мужского внимания никогда не остаются.

– Вы с певицей беседовали?

– Никак нет-с, ее в городе не было, вчера вечером только вернулась.

– Отлично. Я с ней сам поговорю. Других ювелиров проверили?

– Проверили. У двоих нашли несколько вещиц, похожих по описанию на ваши, – у Герша Беленького и Нахима Несселя. У остальных ничего не нашли. Нескольких проверить не удалось – они уже уехали в Нижний Новгород, готовиться к открытию ярмарки. Беленький и Нессель показали, что бриллианты продали какие-то неизвестные им греки. Драгоценности я у них забрал, положил у себя в кабинете в сейф. Вы их у меня заберете? – с надеждой спросил ростовский сыщик.

– Пока не знаю, как розыск пойдет. А что, опасаетесь?

Блажков вздохнул:

– Опасаюсь. Хоть у нас в сыском и суточное дежурство установлено, я упросил полицеймейстера еще и городского на ночь в моем кабинете оставлять. Мои надзиратели в любой момент могут на происшествие сорваться, а кабинет у меня в первом этаже, да и окно на двор выходит.

– Придется немного потерпеть, Яков Николаевич.

– Понятно... – вздохнул ростовский сыщик. – Сейчас куда ехать изволите: ко мне, или сразу к Лучиной?

– Сейчас визиты дамам делать рано, поэтому поедem к вам, познакомите меня с личным составом, ну и камушки я посмотрю.

– Слушаюсь.

* * *

Ростовская сыская часть помещалась в первом полицейском участке, в двух крохотных комнатенках. Одну комнату занимали два стола и шкаф с картотекой, в другой находился кабинет начальника. Рядом со столом руководителя сыска был приставной столик, на котором помещался новенький «ундервуд». По клавишам пишущей машинки с энтузиазмом долбила

премилая барышня. Увидев незнакомого мужчину в роскошном костюме, барышня свое занятие прекратила и заулыбалась.

– Екатерина Андреевна, будьте любезны, сходите... эээ... в канцелярию, посмотрите, есть ли почта, – строгим голосом приказал Блажков.

– Я уже была, Яша, почта – вот. – Барышня указала пальчиком на довольно большую кипу бумаг.

– А вы еще раз сходите, вдруг новая поступила. – На красного как рак Яшу смотреть было больно. Он взял барышню за локоть и буквально вытащил ее из кабинета. В коридоре слышался его яростный шепот.

– А интересные у вас сотрудницы служат, – сказал Кунцевич, когда Яков Николаевич вернулся.

Тот стал оправдываться:

– Кредит на канцелярские нужды маленький, толкового писца на пятнадцать рублей в месяц не найдешь. А Екатерина Андреевна согласилась. Я ее братца-гимназиста писцом оформил, он в гимназию ходит, а Екатерина Андреевна служит. Мечислав Николаевич, не говорите об этом, пожалуйста, никому.

– Конечно, конечно. Надеюсь, остальные сотрудники не гимназисты?

Блажков представил ему своих сыщиков. Трое из них оказались совсем молодыми людьми, одетыми бедно, но опрятно. Внешний вид четвертого – сорокалетнего мужика с лихим чубом, позволял сделать однозначные выводы не только об отсутствии у него высшего образования и богатой родословной, но и о наличии ряда вредных привычек. Зато последний, пятый надзиратель выглядел истинным щеголем. Безупречный пробор, нафабранные и завитые кверху усики, белоснежная сорочка, тугой галстук. Кунцевич без труда угадал в нем соплеменника.

– Губернский секретарь Яхневский, – представился поляк.

Начальник и столичный гость уселись в кабинете, куда Катенька принесла самовар. Ставя его на стол, она белозубо улыбнулась Кунцевичу.

Проводив барышню-писца долгим взглядом, коллежский асессор обратился к Блажкову:

– Ну что, Яков Николаевич, как служится, хватает работы?

– Хватает. Я иной раз неделю дома не бываю, сплю в кабинете. У нас в городе сто пятьдесят тысяч душ обоего пола, а в сыскной кроме меня всего пять околоточных. И на сыскные расходы пятьсот рублей в год дают. В эту зиму город из положенных на отопление денег только половину выделил, печку топили раз в день, утром на службу приходишь – вода в графине замерзшая. Единственные ценные вещи в отделении – шкаф несгораемый и пишущая машинка. И те не от казны получены – это награды за успешные розыски.

– А сотрудники как работают?

– Поначалу никак не работали. Когда сыскную часть в шестом году создали, народ в нее набирали по принципу – или в сыск, или со службы без прошения. Они в участках баклуши били, и здесь этим заниматься пытались. Я первые две недели один работал. Потом понял, что не смогу так долго. Пошел к полицмейстеру и сказал: или выгоняйте меня, или дайте мне самому работников себе набрать. Полицмейстер разрешил. Трех я сразу выгнал. На их место пригласил людей с улицы. Взял мальчишек, вчерашних гимназистов. Без опыта, разумеется. Но зато с большим желанием работать. Из тех, кто был, оставил Вельяминова. Он, конечно, с зеленым змием борется, и не всегда успешно, но сыщик, что называется, от Бога. У него и раньше своего околотка не было, по всему городу работал. Где какое дело заковыристое – Мирона звали. Потом еще одного выгнал. Был тут один, коллежский секретарь. Бывший поручик, из армии его вышибли, он в полицию пришел, так его даже помощником пристава не взяли, определили в околоточные, а потом в сыскную спихнули. Пытался меня строить. Любимая присказка у него была: «У меня звездочек на погонах больше, чем у всех вас, вместе взя-

тых». Ну, много у тебя звездочек, молодец, работай, молодежи пример показывай. Ан, нет. На службу попозже, со службы пораньше, вместо работы реальной – работа бумажная, мол, меры принял, ничего не обнаружил. Один талант был – доносы писать. Долго я с ним мучился, пока не выжил. Тут Мстислава Яхневского к нам перевели. Его в Лодзи социалисты к смерти приговорили, больно хорошо он их экссы раскрывал. На него не нарадуюсь. Вообще сейчас всеми доволен.

– А сами-то как начальником стали? – поинтересовался столичный гость.

– Я по полиции двадцать лет служу, с городских начинал. Последние восемь – околоточным. В пятом году чин выслужил, а после указа⁸ назначили меня помощником пристава в четвертый участок. Полгода я там не прослужил, как у нас сыскное образовали. Командовать им никто из приставов и помощников не хотел. Ростов – город богатый, купеческий, тут в каждом участке по сто предприятий. Земля кормит. А в сыскомном что? Пулей попотчуют если только. Народ-то у нас бедовый. Меня, как самого младшего по сроку службы в классной должности, начальником сыска и выбрали. – Блажков тяжело вздохнул: – Разговорился я что-то.

– Да, Яков Николаевич, *mea lingua mea inimica est*⁹. Но вы не переживайте, я не из болтливых. Ну, давайте отобранные вещи, я их внимательно посмотрю.

– Ваше высокоблагородие, Конторович ко мне каждый день ходит и награду требует.

– Награду? Какую награду? – удивился Кунцевич.

– Так все газеты пишут, что Гордон обещал за любые сведения о грабителях двадцать пять тысяч.

– А, вы про эту награду? Можете передать Конторовичу благодарность от меня лично и от питерской сыскной в целом. А денег от Гордона он вряд ли дождется. Я вам совершенно официально заявляю: Гордон в градоначальство с предложением награды не обращался. Я вот, например, ищу его драгоценности на свой счет.

* * *

Певица Лучина жила во втором этаже трехэтажного дома на Московской улице, занимая квартиру из шести комнат. Дом был новым, снабженным всеми современными удобствами. Кунцевич покрутил дверной звонок, передал открывшей дверь горничной трость, канотье и свою визитную карточку. Его провели в дорого и со вкусом обставленную гостиную, где он сел в предложенное кресло. Ждать пришлось минут пятнадцать.

Хозяйкой оказалась красивая, полная дама лет тридцати пяти. Когда она вошла в комнату, Кунцевич поднялся и склонил голову в поклоне.

– И ассессор, и для поручений, и из Петербурга, давненько у меня таких гостей не было. – Голос певицы полился серебряным ручейком. – Прошу, садитесь. Чем же моя скромная особа заинтересовала столицу? Какое относительно меня имеете поручение?

– Дело вот в чем, Антонина Ермолаевна. Примерно с неделю назад вы отдали на реализацию ювелиру Конторовичу вот этот бриллиантовый гарнитур. – Кунцевич вынул из кармана кольцо и сережки.

– И вы приехали из Питера, чтобы его купить?

– Нет. Я приехал из Питера, чтобы его забрать.

– То есть как, забрать?

– Антонина Ермолаевна, этот гарнитур первого июня сего года был похищен из магазина ювелира Гордона среди множества других вещей. Об этом писали все газеты.

⁸ Блажков имеет в виду царский указ от 15 октября 1906 года «Об уравнивании в правах», в силу которого были сняты ограничения по поступлению на госслужбу лиц бывших податных сословий.

⁹ Язык мой – враг мой (*лат.*).

– Я газет не читаю. Не так я стара, чтобы газеты читать. И потом, почему вы решили, что именно этот гарнитур был похищен? На нем что, написано?

– В том-то и дело, что написано. Извольте посмотреть. Вот видите маленькие буквы «Зело» и «Глаголь», видите? А вот рисунок этого гарнитура, сделанный ювелиром в день ограбления. Вот описание. Все сходится в точности. У меня к вам один вопрос: как похищенное оказалось у вас?

– Это подарок.

– Чей?

– Как вы смеете!

– Антонина Ермолаевна, вы думаете, что я преодолел без малого две тысячи верст, чтобы хамить дамам? Если так, то вы ошибаетесь. Я прибыл сюда исключительно для того, чтобы открыть кражу. По закону я имею полномочия опрашивать лиц, причастных, вольно или невольно, к преступлению, и даже их задерживать. И отправлять в Питер. Этапным порядком.

– Что? Меня в кандалах? По этапу? – На глазах артистки появились слезы.

Кунцевич вскочил:

– Ну что вы, что вы, я думаю, до этого не дойдет. На лиц, совершивших кражу, вы не походите по приметам. От вас требуется только одно – честно рассказать, как драгоценности оказались у вас. И я оставлю вас в покое.

Лучина поднесла к глазам платочек:

– Ну хорошо, я вам отвечу. Это подарок одного моего знакомого.

– Как зовут вашего знакомого, позвольте поинтересоваться? Где жительство имеет?

– Ах, не знаю, ничего не знаю. Зовут Георгием Ивановичем. Фамилию не спрашивала, визитов к нему домой не делала. Да и не наш он, не ростовский.

– Почему вы так решили?

– Городок-то у нас маленький, своих-то греков, ну естественно, из полированных, я всех знаю.

– А он грек?

– Грек, я уж грека ни с кем не перепутаю.

– Как вы с ним познакомились?

– Недели три назад, после концерта он прислал мне роскошный букет с запиской. Ну я позволила ему прийти ко мне в уборную. Он как ко мне зашел, так сразу кольцо и подарил. И этим меня совершенно очаровал. Другие мужчины только разговоры разговаривать горазды, а как до дела доходит, все норовят на бирюзовых сережках отъехать. А этот – бриллианты, да сразу, не зная даже, буду я к нему благосклонна или нет. Настоящий жентельмент. Ой, как он умеет ухаживать! Шампанское рекой, рестораны, мотор круглые сутки, с ним не жизнь, а сказка. Эх, жаль, недолго эта сказка длилась. – В голосе певицы послышалась неподдельная горечь.

– Исчез, не попрощавшись?

– Почему, попрощался. Явился с букетом, сообщил, что уезжает, мол, дела требуют срочного отъезда. А кроме букета – коробочка с сережками. Я же говорю – жентельмент.

– Когда это было?

– Три дня мы с ним встречались, и он исчез. Я иногда думаю: а не приснился ли мне он?

– Чего же вы подарок такого кавалера ювелиру снесли?

– У меня бриллиантовый гарнитур уже есть. А тут на левом берегу дачка прелестная продавалась. Деньги мне были нужны, одним словом.

– А как выглядел ваш воздыхатель?

– Высокий, красивый. Волосы черные, бороду бреет, усы роскошные, прямо как у вас! Староват правда, лет пятидесяти. Одет великолепно. Говорит с приятным акцентом.

– Вот вы сказали, он вас на моторе катал. Сам управлял автомобилем?

– Нет, с шоффэром. Месье Ришелье, он у купца Чурилина служит. Да и мотор Чурилина. Жорж... Георгий Иванович, видимо, его в аренду взял.

– А где господин Чурилин жительство имеет?

– Да вы любому извозчику скажите, чтобы он вас до дома Чурилина доvez, у нас всякий его адрес знает. Только Николай Иванович уже с месяц как на воды уехал.

– На воды? Тэк-с. Ну тогда он мне и не нужен. Я найду с кем у него дома потолковать.

* * *

Оказавшись в тесном кабинете начальника ростовской сыскной, француз-шофер запырался недолго. Под напором Кунцевича, говорившего с мусью на его родном языке, и красноносого Вельяминова, говорившего с мусью на матерном русском, Ришелье, заручившись клятвенным обещанием сыщиков не сообщать ничего его хозяину, признался, что в середине июня за пятьдесят рублей и бензин подрядился возить на хозяйском авто компанию из трех мужчин. Познакомился он с ними на вокзале, когда провожал Чурилина. Из Ростова он отвез их в Таганрог, на следующий день забрал их от таганрогской почтово-телеграфной конторы на Александровской, в Ростове высадил у магазина братьев Коган на Большой Садовой, отсюда же вечером и забрал и опять повез в Таганрог. Там двое мужчин вышли, а месье Жорж, старший в их компании, велел везти его обратно в Ростов. На Московской месье Жорж приказал остановить у нововыстроенного дома, скрылся в подъезде и через полчаса вернулся с дамой. По Ростову они катались до утра, за отдельную, естественно, плату. На рассвете он отвез месье Жоржа и его спутницу на ее квартиру, а сам поехал в Таганрог за друзьями нанимателя. Такая веселая, хорошо оплачиваемая, но хлопотная жизнь продолжалась у месье Ришелье три дня. Он устал, измучился, перепутал день с ночью и потом с неделю приходил в себя. На четвертый день он отвез месье Жоржа в Таганрог. Там месье Жорж дал ему сто рублей, поблагодарил за службу и попрощался. Больше он никого из своих пассажиров не видел.

Кунцевич долго расспрашивал француза о приметах его пассажиров, заставлял вспоминать их разговоры, мельчайшие, незначительные детали.

– Вы знаете, господин комиссар, спутники месье Жоржа показались мне людьми неинтеллигентными, мне даже кажется, что они раньше сидели в тюрьме. А вот сам месье Жорж – прекрасно воспитанный человек и весьма недурно говорит по-французски. Он бывал в Париже, и мы с ним мило беседовали о моем родном городе. Он говорил мне, что до того восхищен столицей Франции и так по ней скучает, что готов ехать туда хоть сию минуту. Шутить изволил, спрашивал, можно ли доехать до Парижа на моей машине. Я сказал, что хотя мой автомобиль и не совершал еще таких длительных путешествий, но вполне себе дотянет до Парижа, но только в том случае, если будет ехать по европейским дорогам. В России дороги не совсем хорошие, они для моего автомобиля будут представлять трудность, поэтому я честно заявил, что из Ростова до Одессы машина не доедет, а вот, скажем, из Варшавы до Парижа – запросто.

– До Одессы? А почему именно до Одессы?

– Когда месье Жорж узнал, что моя фамилия Ришелье, он засмеялся и спросил, не могу ли я отвезти его на моем автомобиле в Одессу. Ему через два дня надо было быть в Одессе у памятника моему однофамильцу. Но я честно ответил...

– Простите, а как вам показалось, он на самом деле собирался в Одессу или шутил?

– Не знаю, не могу сказать.

Два следующих дня все ростовские сыщики, за исключением Яхневского, которого Кунцевич отправил в Таганрог, обходили ювелиров. После длительных бесед почти все торговцы драгоценностями признались, что и к ним наведывались какие-то пришлые греки с весьма выгодным предложением. Сделки не состоялись по разным причинам: у некоторых ювелиров отсутствовали оборотные средства, а ждать продавцы не желали, некоторые, читавшие газеты

и объявления департамента полиции, побоялись приобрести камешки. Но никто из них, кроме Конторовича, в сыскную не пошел – по судам же затаскают! Их не прельстили и газетные сообщения об обещанной Гордоном награде, ростовские ювелиры прекрасно были осведомлены о «щедрости» своего столичного коллеги, газетам поверил только Конторович.

Яхневский вернулся из Таганрога вечером 10 июля.

– Есть в Таганроге пристав, первым участком заведует, подьесаул Облакевич, Александр Христофорович, – начал он докладывать. – Вы, ваше высокоблагородие, когда в столице будете рапорт об успешном расследовании этого дела писать, не забудьте его в нем упомянуть. Человек на своем месте. Я, как таганрогскому полицмейстеру о нашем деле доложил, так он меня сразу к Облакевичу и отправил. Узнав, что клиенты наши, скорее всего, греки, Александр Христофорович попросил меня подождать в гостинице, а вечером вызвал к себе и рассказал, что трое греков, схожие по приметам с нашими мазуриками, в сопровождении дамы, русской, прожили в Таганроге четыре дня, с тринадцатого по шестнадцатое июня, и затем на поезде номер одиннадцать Баку – Одесса убыли из города. Все это приставу рассказал его человек из местных греков, которых в Таганроге много. Имен разыскиваемых, к сожалению, узнать не удалось. На вокзале я узнал, что поездная бригада, которая в этот день обслуживала поезд, сейчас едет из Одессы и завтра будет в Ростове. Стоянка поезда три часа. Успеем всех опросить.

* * *

Пассажирский поезд Одесса – Баку имел вагоны только 1-го и 2-го классов, причем и те и другие были оборудованы местами «для спанья». Обер-кондуктор и проводник сразу же вспомнили богатых и щедрых пассажиров.

– Они, ваше высокоблагородие, пожелали в одном купе разместиться, а билеты предъявили в разные. А в том купе уже два места было занято. Пришлось им с пассажирами договариваться, ну и за беспокойство коньяком их угощать, – рассказал проводник.

– Самому-то коньяк перепал?

– Я очищенную¹⁰ предпочитаю, а вот на чаек получил хорошенько. Но такие комбинации правилами не воспрещаются, ежели все согласные.

– Сошли они где?

– В Одессе.

* * *

Послав Маршалку телеграмму с сообщением о том, что выезжает в Одессу, и просьбой направить командировочные деньги в адрес одесского полицмейстера, Кунцевич написал начальнику подробный рапорт, который Блажков обязался передать по принадлежности с обер-кондуктором ближайшего поезда, следовавшего в столицу.

Еще одну телеграмму он отправил Гордону: «Напал на след ваших вещей тчк пришлите помощь ваших приказчиков Одессу тчк пусть справляются обо мне начальника одесского сыскного тчк Кунцевич».

В Одессу чиновник для поручений поехал на бакинском поезде, отъезжающем в 9 вечера. Из экономии взял билет во второй класс. Кушаний супруги начальника ростовского сыска он так и не отвёдал.

¹⁰ Очищенная – водка.

* * *

Через день в 8.45 утра Кунцевич был в Одессе.

Никто его не встречал. Подойдя к извозчику, Мечислав Николаевич спросил:

– А что, любезный, есть в городе «Гранд-отель»?

– Конечно, есть, барин, на Херсонской.

– Далеко ли от него до полицмейстерского дома?

– Рукой подать.

– Отлично, вези.

Приведя себя в порядок и позавтракав, Кунцевич пешком отправился в полицейское управление.

Одесским сыском командовал помощник полицмейстера губернский секретарь Черкасов. Несмотря на то что присутствие уже началось, на месте его не было.

Дежурный пристав извинялся:

– Ваше высокоблагородие, телеграмму минут двадцать как получили. Я на вокзал надзирателя тотчас послал, но вы уже изволили уехать. А начальник ночью в облаве участвовал, они только в шесть утра домой ушли.

– Понятно, понятно, я не в претензии. Когда начальник прибудет?

– Я ему тотчас телефонирую, он недалеко живет, думаю, минут через двадцать на месте окажется.

Губернский секретарь приехал через полчаса.

Перед Кунцевичем предстал ровесник, невысокий, худощавый, с мешками под глазами.

– Прошу, ваше высокоблагородие, – Черкасов указал на свой кабинет. Помещение, занимаемое одесской сыскной, было гораздо больше, чем ростовское.

– Я прошу прощения, что не встретил, всю ночь конокрадов ловили.

– Поймали?

– Какое там! У меня раньше в штате одиннадцать городских было, прикомандированных от участков, в этом году их почему-то обратно откомандировали, взамен денег дали на наем агентов. А для этого время нужно. Да и желающих днем с огнем приходится искать. Вот и работаем вдесятером на полмиллиона населения. Вчера почти весь личный состав по одной наводочке на облаву водил, а мазурики утекли – не хватило у меня народу колечко полностью замкнуть. А вы к нам какими судьбами? Я телеграмму сейчас посмотрел, там написано – оказать помощь, более ни слова.

– О краже у Гордона слышали?

– Слышал. Неужели к нам ниточка привела?

– Скорее всего, да. Скажите, много в городе ломбардов и ювелиров?

– Ломбард один, но имеет несколько отделений. А ювелирных магазинов и мастерских – около пятидесяти.

– Сколько человек мне в помощь выделить сможете?

– Ваше высокоблагородие! Дел невпроворот, одного, максимум двух смогу временно предоставить.

– На большее я и не рассчитывал. Дайте одного, но самого толкового. И вот еще что: я в средствах ограничен, но экипаж мне крайне необходим. Ничего не посоветуете?

– А что, разве Гордон вас разъездными не снабдил?

– И вы газет начитались? Ни копейки я не получил не только от Гордона, но и от родного МВД. На свои путешествую.

Черкасов недоверчиво посмотрел на Кунцевича. Поняв, что столичный сыщик не шутит, сказал:

– Здесь я вам, пожалуй, помочь смогу. Мой пристав Порошенко имеет тещу. А у той свой извозный промысел. Она вам кого-нибудь подберет. И недорого.

– За это спасибо. У вас справочника городского нет?

– Есть «Вся Одесса».

– Можно ее на время у вас позаимствовать?

– Сделайте милость.

Начальник сыска подошел к книжному шкафу и достал потрепанный том «Всей Одессы»

– Это за пятый год, свежее нет.

– Там, наверное, уже много несоответствий. Я, знаете ли, план города в книжном магазине приобрел и хотел на нем всех ювелиров отметить.

– Я у полицмейстера попрошу, у него «Вся Одесса» новая.

– Не сочтите за труд, пришлите книжку мне в «Гранд-отель». А пока эту давайте.

– Я вам «Всю Одессу» с Донским пришлю, это мой самый толковый надзиратель. Сегодня я разрешил всем, кто участвовал в засаде, прийти к двенадцати, как только он явится – я его сразу к вам.

– Премного благодарен. И последняя просьба. Не сегодня, так завтра сюда должны явиться несколько гордоновских молодцов, их тоже ко мне пошлите.

* * *

Надзиратель сыскальной части одесского градоначальства не имеющий чина Донской оказался тридцатилетним мужчиной, одетым по-мещански – в «спинжак» и сапоги бутылками. Звали сыщика Петром Егоровичем.

Через час общения Кунцевич понял, что, несмотря на свой простоватый внешний вид, сыскальной надзиратель умен, по-хохляцки хитер и не зря каждое двадцатое число расписывается в раздаточной ведомости.

Вместе они отметили на карте месторасположения всех ювелирных мастерских и магазинов, ломбарда и его отделений.

– Сколько хлопцев от ювелира ожидаете, ваше высокоблагородие?

– Зови меня Мечислав Николаевич. Я думаю, что если он двоих пришлет, то это будет очень хорошо.

– Ювелирных магазинов под пятьдесят, но в основном все в центре, на Дерibasовской, Ришельевской и Полицейской, то есть, по-новому, Кондратенко. Ну, еще на Екатерининской.

Кунцевич внимательно разглядывал план города. Дерibasовская и Кондратенко шли параллельно, и под прямым углом пересекали как Ришельевскую, так и Екатерининскую.

– По магазинам я буду ходить один, тебя ювелиры могут знать, а нам свой интерес к ним афишировать не нужно. Ты же, Петр Егорыч, своих людей порасспрашивай, не знают ли они чего про греков, которые в столице большое дело провернули.

* * *

Весь вечер и следующий день Кунцевич не спеша обходил ювелирные магазины, попутно любуясь прекрасной одесской архитектурой. В каждом магазине он требовал показать ему лучший товар, внимательно разглядывал браслеты, кольца и серьги, обещал подумать и уходил. К обеду он обошел около двадцати торговых заведений. Ювелирных изделий с клеймом «З.Г.» ни в одном из них ему не показали. Отобедав в «Баварии» на Дерibasовской, чиновник для поручений решил, что на сегодня работать хватить, и вечер посвятил осмотру города.

Улицы Одессы радовали чистотой и опрятностью. Они были вымощены гранитом, на панелях росли акации, источавшие приятный запах и дающие тень. Кунцевич не торопясь

дошел до Ланжероновской, полюбовался на здание оперы, затем поднялся до Екатерининской, осмотрел памятник Императрицы, дошел до Николаевского бульвара, по лестнице спустился на Приморскую, к порту, посмотрел на лес мачт и паровых труб, на многочисленные снующие туда-сюда ялики и лодки, почувствовал на лице приятную свежесть морского ветерка. Поднявшись на механическом подъемнике к памятнику Ришелье, прогулялся по Николаевскому бульвару, посидел на скамейке в тени его платанов. Потом взял извозчика и поехал в гостиницу.

В холле гостиницы сидел Донской. Они поднялись в номер.

– Я задание людям дал, Мечислав Николаевич, обе-щали поразузнать. Но пока ничего.

А у вас как успехи?

– У меня тоже ничего. Завтра продолжу.

– Ну, тогда я пойду, а то начальник вечером опять облаву затеял, я хотел перед ней хоть пару часиков поспать.

– Ступай, Петр Егорыч.

Минут через пять после того, как ушел сыскной надзиратель, в дверь робко постучали.

– Войдите.

На пороге стоял шуплый господин в сюртуке и шляпе котелком.

– Господин Кунцевич? Разрешите представиться – Соломон Равикович, старший приказчик торгового дома «Гордон и К°».

– Весьма рад, господин Равикович. Давно приехали?

– Буквально только что с поезда. Из полицейского управления меня к вам направили.

– Прекрасно. С постоем определились?

– Да. Я остановлюсь у дядюшки, он здесь неподалеку живет.

– Очень хорошо, присаживайтесь, поговорим о деле.

Через час гость стал прощаться.

– Ваше высокоблагородие, хозяин вам велел передать. – Приказчик достал из кармана сюртука запечатанный конверт.

Когда гость ушел, Кунцевич открыл конверт. В нем лежала записка и сторублевая купюра. Коллежский ассессор выругался.

* * *

Бриллианты нашел Соломон. Ему было поручено обходить магазины на Арнаутской и Преображенской. Соломон почему-то начал обход не из центра, а от вокзала. Посетив единственный ювелирный на Арнаутской и ничего там не обнаружив, он зашел в первый из пяти магазинов на Преображенской. Держал это заведение одесский второй гильдии купец Александр Авраамович Львовский. Равиковичу даже и спрашивать ничего не пришлось. До боли знакомые серьги он увидел прямо в витринной выставке.

Через полчаса к магазину подкатили две пролетки, в одной из которых сидел усач в прекрасной чесучовой паре и шуплый господин в котелке, а на другой – мещанин в сапогах бутылками и городской. Еще через час Львовского вывели из магазина в наручниках, усадили в пролетку, куда запрыгнул и мещанин. Городовой сел рядом с извозчиком, и экипаж понесся к полицейскому управлению. Кунцевич стоял около магазина с небольшим кожаным саквояжиком в руках.

– Вот что, Соломон. Телеграфируйте своему хозяину о наших с вами успехах и попросите незамедлительно прислать денег на расходы, а то мне уже за гостиницу платить нечем.

– Так я же вам вчера вручил денег.

– Сто рублей? А вы знаете, сколько я уже потратил? Одни билеты чего стоят!

- Хорошо, хорошо, я телеграфирую, но боюсь, много хозяин не пришлет.
- Черт возьми, пусть пришлет хотя бы немного. Телеграфируйте, что из-за нехватки средств чиновник собирается прекратить розыски и вернуться в Петербург.

* * *

– Я и рад бы, всей душой рад, но ничем не могу вам помочь. Вещи эти я купил у неизвестного мне господина. Одет господин был прилично, вид имел интеллигентный, продажу бриллиантов объяснил смертью жены и стесненным материальным положением, в общем, никаких подозрений он у меня не вызвал. Ну а то, что я не узнал в проданном товаре вещи Гордона, то тут да, каюсь, дал, как говорится, маху. Невнимательно прочитал ваше объявление. Впредь обещаю читать более внимательно. И прошу меня отпустить, у меня торговля по вашей милости стоит.

Кунцевич внимательно смотрел на Львовского, стараясь угадать, врет тот или говорит правду. Но угадать у него не получалось.

В кабинет заглянул Черкасов:

- Ваше высокоблагородие, на минуточку Кунцевич вышел в коридор.
- Полицмейстер спрашивает, долго ли мы Львовского держать будем, – спросил Черкасов.

– А чем его интерес вызван, не знаете?

– Знаю. Приятельствуют они.

– Понятно. Скажите господину полицмейстеру, что скоро я Львовского отпущу.

Кунцевич заглянул в соседний кабинет. Там гордоновский приказчик в присутствии Донского подсчитывал стоимость изъятых у Львовского драгоценностей.

– Тысячи на три, ваше высокоблагородие.

– Да-с, негусто. – Чиновник для поручений подошел к столу, на котором лежали брошка, три кольца с бриллиантами, серьги и браслет.

Он взял браслет в руки.

– А все-таки вещи у вашего хозяина замечательные. – Кунцевич, любясь игрой камней, вертел браслет в руках. Тут он увидел, что к его замочку привязана суровая нитка. Положив браслет на стол, коллежский асессор осмотрел другие драгоценности. На них никаких ниток не было.

– Соломон, видите нитку? Зачем она здесь?

Приказчик внимательно осмотрел браслет.

– Нитка не наша. Не знаю... А впрочем... В ломбардах на такие нитки привязывают ярлычок с номером квитанции.

– Вот оно как! Петр Егорыч, запири вещи в сейф, поедem еще раз в гости к Львовскому.

Им повезло. Хозяин ювелирного магазина был человеком аккуратным, бумаги портил мало, поэтому корзина для мусора в его кабинете наполнялась долго. Ярлычки они нашли на самом ее дне. Судя по надписям, они были выданы Главной конторой одесского городского ломбарда.

– Это где? – спросил Кунцевич Донского.

– На Полицейской, то бишь на Кондратенко.

– Соломон. Езжайте туда и аккуратно, я повторяю, аккуратно посмотрите, нет ли там вещей вашего хозяина. Если они там есть, скажите, что будете покупать, попросите отложить, и мухой в сыскную, я еду туда.

Стремительно войдя в кабинет, Кунцевич с порога обратился к сидевшему на стуле под охраной городского Львовскому:

– Александр Авраамович, из-за вас страдает моя честь!

– Что? Что такое? – Ювелир хлопал глазами.

– Ну как же, из-за вас мне пришлось обмануть начальника одесской полиции. Я сказал ему, что скоро вас отпущу. А мне придется вас арестовать. Выходит, я его обманул!

– Меня арестовать? За что?

– Как за что? За кражу бриллиантов в магазине Гордона.

– Послушайте! Хватит надо мной издеваться. Я же вам русским языком объяснил – я купил...

Чиновник для поручений разозлился:

– А теперь ты меня послушай! Вот эти ярлычки мы изъяли из твоего кабинета. Получается, что бриллианты ты купил не у неизвестного лица, а в ломбарде. Зачем скрывал?

– Я не понимаю... Какие ярлычки, какой ломбард! Это все бред.

– Не знаю. Может, бред, а может, не бред, – сказал Кунцевич, успокаиваясь, – впрочем, следователь разберется. Вы со следователем, ведущим дело Гордона, не изволите быть знакомы? Ну как же! Господин Середа, двадцать восьмым следственным участком столицы заведует. Милейший человек! Но чтобы во всем разобраться, он должен вас увидеть и лично с вами побеседовать. В общем, придется вам в Санкт-Петербург проехать. Виктор Николаевич человек справедливый. Законник! Я думаю, что повода содержать вас под стражей он не найдет. И сразу же вас отпустит. Только попадете вы к нему, даст Бог, через месяц! И не в вагоне первого класса в столицу поедете, а этапным порядком. Я сейчас составлю постановление о вашем личном задержании. Основания у меня железные – у вас краденые вещи изъяты. Сам буду здесь продолжать дознание, а вас в столицу по этапу отправлю. Сколько я в вашем бого-спасаемом городе пробуду, даже я не знаю. Пока вернусь, пока дознание подобью, пока оно все канцелярии пройдет, глядишь, к концу лета Середа его на руки и получит. А вы это время проведете сначала в арестантском вагоне, а потом в общей камере Спасской части. И заметьте, в общей камере! Не в дворянской. Вы же не дворянин, не чиновник? А, Александр Авраамович, стоит оно того? Ну?

– Вы правы, не стоит. – Львовский опустил голову.

– Тогда расскажите правду, и я вас никуда отправлять не буду.

Ювелир тяжело вздохнул:

– Один из оценщиков ломбарда – мой приятель. Ломбард никогда не дает за вещь ее цены, максимум – половину, иначе ломбард прогорит. Когда хорошие вещи оценивает мой приятель, он сообщает закладчику мой адрес. Я покупаю у закладчика ломбардные квитанции, выкупаю вещи и продаю их в своем магазине за настоящую цену. Плохо от этого никому не становится, закладчик, кроме денег от ломбарда, получает деньги от меня, ломбард получает залоговые деньги, мы с приятелем делаем небольшой гешефт. Квитанции на эти вещи мне принес один грек. Вещи у него оказались действительно стоящими, и я купил все квитанции.

– Ну вот! А вы говорили бред! Больше ничего этот грек вам не предлагал?

Львовский отрицательно помотал головой.

– Александр Авраамович! – Кунцевич погрозил ему пальцем. – Вы опять перестали быть со мною откровенны. У этого грека столько драгоценностей, что не предложить их вам он просто не мог. Рассказывайте, рассказывайте, коли начали. А то основания для вашего визита в столицу могут и не отпасть.

Ювелир буквально вжал голову в плечи:

– Он предлагал еще несколько квитанций. Но те вещи, которые по ним заложены, я не видел – грек заложил их в другом отделении ломбарда, не в том, в котором работает мой приятель. Я решил сначала их посмотреть, а потом дать греку ответ.

- Посмотрели?
- Да. Они стоят тех денег, которые грек за них просит.
- Когда и где вы встречаетесь?
- Завтра, в двенадцать, в кофейне «Фанкони», на Екатерининской.
- В каком отделении ломбарда заложены другие драгоценности?
- В первом, на Тираспольской.
- Александр Авраамович, я надеюсь, вы нам этого грека покажете?
- Что ж мне с вами делать, покажу! – Тут ювелир поднял голову: – Скажите, а нельзя все это оформить соответствующим образом: дескать, я к вам добровольно пришел, драгоценности принес и все рассказал? В таком случае я мог бы рассчитывать на обещанную Гордоном награду...
- Сейчас сюда придет старший приказчик господина Гордона, вы с ним на эту тему и побеседуйте. А мне фамилию вашего приятеля назовите, пожалуйста.

* * *

Несмотря на громогласные возмущения Львовского, Кунцевич все-таки выписал постановление о его аресте и поместил ювелира в арестантское помещение при городском полицейском управлении, правда, в дворянскую камеру. Минут через двадцать после этого дежурный городской попросил питерского гостя зайти к исправляющему должность полицмейстера коллежскому советнику Кисляковскому. Чиновник для поручений выждал пятнадцать минут и поднялся на второй этаж полицейского дома.

– Заходите, заходите, – полицмейстер встал из-за стола, подошел к Кунцевичу и крепко пожал ему руку. – Вот-с, уполномочен передать. – Коллежский советник взял со стола четыре радужных бумажки и протянул их Мечиславу Николаевичу. – Только что получены из Петербурга, от господина Маршалка.

– Благодарю, – сказал Кунцевич, пряча деньги в бумажник. На душе у коллежского асессора заметно повеселело.

– Ну, как продвигается розыск? – спросил Кисляковский, жестом приглашая садиться. Столичный сыщик кратко рассказал об успехах.

– Прекрасно, прекрасно. Скажите, э... а господин Львовский действительно замешан?

– Мне пока не до конца понятно, Евлампий Владимирович. В ближайшее время я собираюсь провести несколько мероприятий, после которых все станет ясно.

– Скажите, а есть ли необходимость в содержании Львовского под стражей? Он человек солидный, серьезный, с положением, при капитале. Ну не станет же он бегать!

– Арест ювелира – мера необходимая. Если он прикосновенен к делу, то заключение под стражу лишит его возможности снестись с другими злоумышленниками. Ну а если неприкосновенен, то сразу же после задержания грека я Александра Авраамовича отпущу. Ему всего просидеть-то и придется одну ночь.

– Понимаю, понимаю-с. – Полицмейстер поднялся, давая понять, что прием окончен. – Значит, завтра Львовский выйдет на свободу?

Кунцевич тоже встал:

– Если он окажет содействие розыску и у меня не останется сомнений в его причастности. Честь имею.

Когда коллежский асессор вернулся в выделенный ему кабинет, там его уже ждали Соломон и Донской. Приказчик доложил, что в витрине главной конторы ломбарда вещей Гордона нет. Кунцевич послал его на Тираспольскую, велел явиться с докладом в гостиницу, Донскому же сказал:

– А ты, Петр Егорович, езжай-ка в ломбард. Зайди погляди на оценщика Урицкого, о котором нам Львовский рассказал, запомни его личность, а как он службу окончит и домой пойдет, ты его тормозни, но только в каком-нибудь малолюдном месте. Пусть тоже посидит до завтра, а то вдруг надумает к приятелю заглянуть, узнает, что мы его забрали, и побежит к закладчику. Я постановление написал, ты туда его лета и звание впиши и отведи в арестантскую, пусть его вместе со Львовским посадят. Есть у тебя кто-нибудь, кого можно к ним посадить?

– В дворянскую? Так быстро не найду.

– А ты постарайся, Егорыч, постарайся. Все, я в гостиницу. Завтра утром приходи, часов в десять, покумекаем, как нам этого грека посподручнее будет спеленать.

Через час в гостиницу пришел Соломон. Он сообщил, что на Тираспольской в витрине лежит портсигар, похожий на украденный у Гордона, но его пока не продают, срок заклада не вышел.

– Я на телеграф по дороге заглянул, ваше высокоблагородие, хозяин прислал вам еще сто рублей. – Приказчик передал чиновнику купюру.

– Прекрасно! – сказал Кунцевич, пряча очередную «кату» в бумажник и потирая руки. – А не поддержать ли нам, Соломон, по этому случаю Министерство финансов?¹¹ Или ты коньяк предпочитаешь?

– Так я любому угощению рад.

– Тогда по коньячку. Будь другом, распорядись, чтобы в номер бутылочку подали.

* * *

В одиннадцать с половиной утра 16 июля 1908 года Кунцевич уселся в кресло на открытой веранде кофейни «Фанкони», заказал кофе, раскрыл «Одесский листок» и стал делать вид, что читает. Примерно через двадцать минут на немногочленной веранде появился седовласый мужчина лет шестидесяти, дорого и со вкусом одетый. Он посмотрел по сторонам, сел за свободный столик и тоже заказал кофе. Ровно в двенадцать в кафе вошел Львовский. Ювелир имел такой подавленный вид, что коллежский асессор испугался за успех операции. Но седовласый человек, с которым раскланялся Львовский, признаков беспокойства не проявил. Он встал, пожал Александру Авраамовичу руку и пригласил за свой столик. Однако ювелир садиться не стал. В это время на пороге появился Донской в сопровождении городского. Кунцевич допил кофе, аккуратно свернул газету и направился к греку. Тот уже заметил и городского, и чиновника для поручений, привстал было со стула, но тут же безвольно на него опустился.

– Разрешите? – не дожидаясь ответа, Кунцевич уселся за столик грека.

– Что вам угодно?

– Мне угодно с вами познакомиться.

– А я знакомиться с вами не желаю.

– Придется, милостивый государь, придется. Начну первым – коллежский асессор Кунцевич, чиновник для поручений Санкт-петербургской столичной сыскной полиции. С кем честь имею?

– Николай Аристархович Каравья, комиссионер, – неохотно пробурчал грек.

– Ну и чьи же вы поручения выполняете?

– Разных лиц.

– А бриллианты продавать кто вам поручил?

– Какие бриллианты?

– Краденые.

¹¹ В ту пору в Российской империи существовала винная монополия.

- Я никаких краденых бриллиантов не продавал.
- Замечательно. Придется вам, милостивый государь, как говорится, пройти.
- Я, конечно, с вами пройду, но это произвол. Я буду жаловаться.
- Жалуйтесь.

В сыскной грека обыскали и нашли закладную квитанцию, выданную первым отделением одесского городского ломбарда на два кольца с бриллиантами, золотой портсигар и часовую цепочку.

Обрадованный этой находкой, Кунцевич спросил у задержанного:

- Где проживать изволите?
- Малый Фонтан, сорок семь, в собственном доме.
- Так вы домовладелец! Избиратель.
- Нет, я греческий подданный.
- Скажите же мне, господин греческий подданный, откуда у вас эта квитанция?
- Я купил ее у неизвестного мне господина.
- Все понятно, дальше можете не продолжать. Сейчас мы оформим необходимые бумаги и поедем к вам в гости.
- Я вас не приглашал.
- А мы без приглашения. Обыски обычно без приглашения проводят.

* * *

Грек жил в миленьком домике, вместе с весьма симпатичной дамой лет двадцати трех. Она представилась Евгенией Головки, вдовой.

- Кем Николаю Аристарховичу доводиться? – поинтересовался чиновник для поручений.
- Падчерица я его, маменька моя покойная с ними в браке состояли.
- Мадам Головки, господин Каравья, предлагаю добровольно выдать все имеющиеся у вас украденные бриллиантовые и золотые изделия.
- Таковых не имею, – заявил грек.
- Да вы что, какие бриллианты? – удивилась его падчерица.
- Ну что ж, тогда будем искать.

Донской, дежурный помощник пристава Александровского участка Логинеско и трое городских начали обыск. Домик был хоть и небольшой, но плотно заставленный мебелью – комодов, шкафов и прочих разных хранилищ в нем было предостаточно. Обыск длился уже более трех часов, но результатов не приносил.

Кунцевич и Донской вышли на улицу, надзиратель закурил.

– Да-с, ситуация препааршивейшая, – сказал столичный сыщик с досадой. – Не найдем ничего, придется отпустить. Его слова о неизвестном мужчине, продавшем квитанции, нам крыть нечем. Не я отпущу, так следователь, а я еще и получу за незаконный арест.

– Спокойные они больно, ваше высокоблагородие, вот что меня настораживает, – проговорил Донской.

– Да, я это тоже заметил. Уверены, что мы ничего не найдем. Да-с, обидно.

Они вернулись в дом. Грек и Головки уже не смотрели на полицейских, а разговаривали между собой и даже посмеивались.

– Хозяюшка, нет ли водицы испить? – попросил один из городских. – А то умаялся, взопрел совсем.

– Почему же нет, есть. И даже не вода, кваском вас угощу, я знатный квас только вчера сделала. Только за ним в подпол надо слазить, – ответила городовой дама.

Грек едва заметно дернулся.

– И я бы от холодного кваса не отказался, – пристально смотря на грека, сказал Кунцевич. – Позвольте, я вам помогу, мадам.

Подпол находился под кухней. Головка зажгла керосиновую лампу, подняла люк и стала спускаться вниз. Чиновник для поручений полез за ней, светя себе электрическим фонариком.

Спустившись, коллежский асессор осмотрелся. Тусклый свет фонаря осветил полки с банками варений и солений, кадушку квашеной капусты, бочонок с квасом.

«Драгоценностей у него должно быть много. Это шкатулка, корзинка или сверток. В бочке с капустой, в бочонке, в варенье? Может быть, но хлопотно. Шкатулку так не укупишь, чтобы туда рассол или квас не попал, а сверток или корзину тем более. Но грек занервничал. Значит, где-то здесь». Он стал светить на пол и внимательно его разглядывать. По следам около кадушки с капустой было видно, что ее недавно переставляли с места на место.

– Донской! Попроси-ка у хозяина лопату и спускайся сюда, а то я уже весь костюм угваждал.

Один из городских отодвинул кадушку, другой принялся копать. Рыл он недолго – жестяная коробка из-под леденцов была закопана неглубоко. В ней были обнаружены пять квитанций на заложенные бриллианты, выданных разными отделениями одесского городского ломбарда, дамские золотые часы с шейной цепочкой, две пары серег – с рубинами и сапфирами, кольцо с бриллиантами, золотая галстучная булавка с жемчугом, колье с уже вынутыми камнями и с десяток оправ от серег, также без камней.

Кунцевич вылез из подвала, отряхнул брюки и предъявил находки греку и его падчерице.

– Ну-с, и зачем же вы нас обманывали? Теперь и вам, мадам, придется с нами прокатиться. Собирайтесь.

* * *

Доставив задержанных в полицейское управление, Кунцевич сразу же направился к начальнику сыскной.

Тот сидел за заваленным бумагами столом и что-то усердно писал. Увидев питерского гостя, Черкасов поднялся:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– И вам не хворать, Андрей Яковлевич, и давайте без чинов. Тем более что я к вам опять с просьбой.

– Слушаю?

Кунцевич рассказал о своих находках.

– Надо проверить все отделения ломбарда, причем проверить разом, поэтому мне нужна помощь всего вашего отделения.

– Помогу, чем смогу.

– Спасибо. Вот смотрите.

Кунцевич развернул перед начальником одесского сыска карту города.

– Я тут сделал отметочки. Правление ломбарда и его главная контора находятся на улице Кондратенко в доме номер двенадцать. На моей карте эта улица старым названием обозначена – Полицейская. Первое отделение на Тираспольской, дом двадцать шесть, второе – на Большой Арнаутской, теперь просто Арнаутской, в доме пятьдесят семь, третье – по Малому переулку, в доме десять, четвертое, вечернее, – по Екатерининской, дом семнадцать. Пятое отделение – мебельное, шестое – громоздких вещей, в них ювелирные изделия не принимают. Ну и седьмое – улица Степовая, дом сорок четыре. Судя по карте, это на самой окраине. Если верить «Всею Одессе», то режим работы ломбарда таков: главная контора и первое отделение от девяти до четырех, второе и третье от девяти до трех, вечернее от пяти до девяти. Седьмое не указано, но, очевидно, тоже до трех. Проверку во всех отделениях надобно производить

внезапно и разом, чтобы злоумышленники, коли они там служат, друг другу не смогли ничего передать. Поэтому поступим так: завтра, без пятнадцати три, в главную контору, первое, второе, третье и седьмое отделения должны войти ваши классные чины и надзиратели. По двое на отделение. К каждой этой паре надобно взять городских, чтобы перекрыли выходы. Я думаю, человека три на отделение хватит. У грека в доме мы нашли квитанции из отделений на Большой Арнаутской и на Екатерининской, кроме этого, при нем была квитанция из отделения на Тираспольской. Вещи, обозначенные на этих квитанциях, надобно изъять. Пусть ваши люди сидят в отделениях до моего прибытия. Двери закрыть, никого не впускать и не выпускать. Мы с гордоновским приказчиком будем объезжать все отделения по порядку. Соломон будет осматривать вещи и указывать на похищенные. Ваши люди станут писать протоколы и опрашивать служащих, а мы тем временем помчимся в следующее отделение. Завтра организуйте команду городских из участков. Всех соберите у себя не ранее половины третьего, объявите задачу и выдвигайтесь. В седьмое отделение, до которого ехать дольше, отправьте пристава пораньше. Все должны четко уяснить, что начинают проверку не ранее чем без четверти три. Вот опись похищенного у Гордона и фотографические карточки. Можете размножить?

– Опись перепечатаем, да и карточки до завтра наш фотограф сделает.

– Разъясните всем подчиненным главную примету: клеймо «З.Г.». Теперь вечернее отделение. Оно открывается в пять. Поэтому его оставим на закуску. Но в три около этого отделения должен дежурить наряд переодетых городских и надзиратель. Если кто-то из служащих придет в неурочное время, то его надобно задержать и ждать нас. Вроде все. Ах, да. Ювелира и Урицкого до завтра не выпускать. Пусть еще денек посидят.

– Жена Урицкого сегодня в участок приходила, заявление подала о его пропаже, я на вечернем рапорте у полицмейстера слышал. А сам Евлампий Владимирович очень недоволен-с.

– Ничего. Мадам Урицкая скоро со своим блудным мужем встретится, а до недовольства его высокоблагородия мне никакого дела нет. Проконтролируйте, пожалуйста, чтобы Каравья и Львовский ни в коем случае не общались между собой. Ювелира и оценщика вообще лучше отправить куда-нибудь в участки. Там, правда, дворянских камер нет, но одну ночку и в общей посидят, ничего с ними не делается. Ну все. Я в гостиницу, время уже позднее, спать лягу, набегался за день.

* * *

Ни в одном из отделений ломбарда вещей Гордона, кроме тех, которые были указаны в квитанциях, изъятых у Каравьи, найдено не было. Соломон долго вертел в руках разные кольца, брошки и браслеты, но ни в одном из этих ювелирных изделий хозяйского так и не признал.

Оценщики отделений ломбарда, выдавшие изъятые у Каравьи квитанции, припомнили, что вещи им сдавала женщина. Им показали Евгению. Двое оценщиков сказали, что Головка на закладчицу сильно похожа, а третий уверенно ее опознал. Непрерывно плачущую вдову увели в камеру.

Кунцевич распорядился организовать за домом Каравьи наблюдение. Дежурить стали Донской и городской Александровского участка. Они разместились в гостиной, целыми днями играли в стукалку, пили квас, ели варенье и квашеную капусту. Пару раз городской бегал за сороковками. Рядом с домом располагалась извозчичья биржа. Кунцевич договорился с тещей Порошенко, чтобы там всегда был хотя бы один ее извозчик.

Первым чиновник для поручений допросил грека. Несмотря на серьезные доказательства, тот свою вину упорно отрицал:

– Я вам уже говорил, что квитанции и драгоценности я купил у неизвестного мне мужчины. Позарился на дешевизну. А закопал их в подпол, так как воров боюсь, наш город славится ворами и грабителями. Я уже старый человек, живем мы с Женей вдвоем, прислуга приходящая, защитить нас некому, вот и боюсь.

Головка сначала тоже все отрицала, но когда Кунцевич наудачу спросил, понравились ли ей Петербург и Таганрог, опять расплакалась и заявила:

– Не собираюсь я из-за него в тюрьме сидеть. Пишите, милостивый государь, все как есть расскажу. – Задержанная поудобнее устроилась на стуле. – Есть у батюшки приятель один, тоже грек, зовут Георгий Иванович, фамилия Карабас. Он в Одессе постоянно не живет, наездами бывает, и всякий раз, как приедет, у нас останавливается. У него свой пароход есть, на нем он к нам из Греции своей и приплывает. Мужчина хороший, да и деньжата у него водятся. Не скупой. И вот в начале нынешнего марта он к нам опять прибыл.

– На пароходе?

– Ну конечно!

– А вы его в порту встречали?

– Зачем в порту, он к нам домой на извозчике приехал.

– Почему же вы знаете, что в Одессу он на пароходе прибыл?

– Так Георгий Иванович сам мне сказал. Он всегда на пароходе.

– А вы этот пароход видели хоть раз?

– Нет, не трафилось.

– А чем он занимается?

– А он по коммерческой части, торгует чем-то, вот только чем, не знаю, он не говорил, а я и не спрашивала. У Георгия Ивановича в Одессе и приказчики есть, они к нам много раз заходили.

– Тоже греки?

– Греки.

– А как их зовут?

– Одного звали Спиридоном, второго Егором, а третьего – Николаем. Вы же, наверное, знаете, что у греков русские имена?

– Скорее наоборот.

– Что?

– Ничего, продолжайте, пожалуйста.

– Ну вот. Приехал Георгий Иванович в марте и прожил у нас до лета, на полном пансионе, платил исправно, лишнего себе не позволял, в общем, не жилец – находка. В конце мая уехал, и не было его недели с две. Приехал, а дней через пять позвал к себе и спрашивает, не хочу ли я на его счет в столицу прокатиться. Хотеть-то я хотела, в столице сроду не была, а только насторожилась, я ведь женщина честная. – Тут Головка несколько замялась и зарделась. – Потому-то и спросила, для какой, мол, такой надобности ему меня в столицу везти? Он объяснил, что одному путешествовать скучно, в Петербурге он никого не знает, а пробыть там придется долго – в общем, за компанию. Ну я и согласилась, да и батюшка был не против, езжай, говорит, Женя, развейся. Но только Георгию Иванычу я сразу сказала, что вольности никакой не допущу. Поехали, одним словом.

– А когда поехали, число не припомните?

– А сразу после Всех Святых, в понедельник, стало быть.

Кунцевич посчитал в уме.

– Восьмого?

– Может, и восьмого, не припомню уже. Значит, приехали мы в Петербург, Жорж... Георгий Иваныч взял на вокзале извозчика и повез меня по городу. Долго мы ехали. Я во время пути все глаза проглядела. Ну и красива же столица-то наша! Одесса красива, а Петербург – в

сто раз краше. Тут и дворцы, и храмы, и фонтаны! Да один – лучше другого. Ехали мы ехали и наконец приехали в какой-то огромный сад. Пошли по аллее, дошли до круглой полянки, где много-много скамеек стоит. Георгий Иваныч меня на одну из этих скамеек усадил, попросил немного подождать и ушел.

– А в какой сад вы приехали, не припомните?

– Да в обыкновенный сад, с деревьями и кустами. Большой он и красивый. Там еще скульптуры везде стоят.

– А река там рядом есть?

– Да в Питере кругом одни реки, и рядом с садом была. Широкая такая река, по ней и пароход даже плыл. Вспомнила, Георгий сказал, что это летний сад. Я еще смеялась, нешто сад бывает летний или зимний? Сад он и есть сад, правда?

– Летний – это у сада название такое. Рассказывайте дальше, пожалуйста.

– Дальше. Дальше я два часа на лавке просидела! Сначала интересно было, дам все разглядывала, наряды ихние, а потом скучно стало. Тут ко мне офицер какой-то подсел, стал комплименты говорить, такой интересный, надо сказать, мужчина. Звал меня в аквариум какой-то. Я ему говорю, милостивый государь, да я на своем веку рыбы столько повидала, что она ни в один аквариум не поместится. Он давай смеяться. Обиделась я на него, отвернулась, уже хотела заплакать... Хорошо, тут Георгий... Иваныч пришел. Дал мне руку, вывел на набережную, извозчика кликнул, и мы опять поехали. Приехали снова на вокзал. Тут нас Егорка со Спиридоном встретили. Я еще удивилась, мол, чегой-то они тут делают. С собой у них были такие большие корзины. Они их в нашу пролетку положили. Георгий Иванович сошел с нее, а мне говорит: «Езжай, Женя, в багажное отделение и сдай эти вещи в багаж на поезд до Одессы». Я не соглашалась, боялась. Но Георгий меня успокоил да извозчику дал полтинник и все ему подробно приказал. Оказалось, сдавать вещи совсем не страшно. Извозчик меня к багажному отделению привез, носильщика крикнул, со мной пошел, все служителю за меня разъяснил, мне только осталось расплатиться да квитанцию получить.

– А сам Георгий Иванович не мог вещи в багаж сдать? Зачем вас посылал?

– Я не знаю. Я сама удивилась. Я у него спрашивала, а он в ответ одно твердил: «Так надо, Женя, так надо». Ну вот. Сдала я вещи, села опять на извозчика, что меня привез, и вернулись мы на то место, где Георгия Ивановича с Егоркой и Спиридоном оставили. Только Георгий Иванович был уже один. Он этого извозчика отпустил, взял меня под руку, и прошли мы с ним по улице. Шли правда недолго – только до угла. Там он другого извозчика крикнул и подрядил его до вокзала. Только не до того, на который мы приехали и на который вещи отвозили, а до другого. Приехали мы на тот вокзал, сели в поезд и поехали в город Таганрог. Я когда увидела, что мы из столицы уезжаем, так на Георгия Ивановича осерчала! Мы два дня до столицы ехали, а глядела я на нее полчаса, да и то из экипажа. Да еще в саду одну он меня бросил... Полдороги с ним не разговаривала.

– Прощения просил?

– Просил, только я не прощала, пока...

– Пока подарок не сделал? Верно? Какой подарок? Ну?

– Колечко с камушком. Вот это. – Женя протянула руку.

Кунцевич посмотрел на кольцо, встал, подошел к двери и велел дежурившему у нее городовому позвать Соломона.

Приказчик не замедлил явиться и уверенно опознал кольцо как одно из похищенных у его хозяина.

Головка рассказывала еще около часу: как они приехали в Таганрог, как поселились в какой-то квартире, как через день встретили там Егора и Спиридона, как Георгий с ними уехал в Ростов и больше не возвращался, как она опять на него обиделась, как он наконец вернулся и как они поехали домой в Одессу.

– Когда приехали, он жить к нам не пошел, где-то в другом месте поселился.

– Ну а много у него было бриллиантов?

– Ничего не видела. Пока вы сегодня под бочкой коробку не нашли, никаких бриллиантов не видела.

– Евгения! Как вас, кстати, по отчеству?

– Алексеевы мы.

– Евгения Алексеевна! Вас же три приказчика узнали. Зачем скрывать то, что уже открыто?

Головко заплакала.

– Каюсь, ваше благородие. Батюшка велел мне эти вещи по ломбардам разнести да заложить. Но то, что они Георгия Иваныча, я не знала. Батюшка сказал, что он их за долги получил.

Взяв у писца протокол допроса, Кунцевич его внимательно прочитал, заставил прочитать Головко, дал ей расписаться и велел отвести в камеру. Поскольку в полицейском доме женской камеры не было, плачущую навзрыд вдову сразу повезли в тюремный замок.

* * *

На следующий день в 9 утра Кунцевич вышел из гостиницы, взял извозчика и проехал по Греческой до Александровской. Здесь в угловом доме помещался одесский адресный стол.

– Как вы говорите, Карабас? – Начальник адресного стола Попов был сама любезность.

– Да, Карабас.

– Пожалуйте сюда. – Начальник подвел посетителя к дубовым шкафам со множеством выдвижных ящичков. – Вот-с, ввел недавно карточную систему. Намного, знаете ли, удобнее прежней дуговой. Поиск нужного листка занимает считанные минуты. Извольте убедиться. – Попов открыл нужный ящик и сноровисто стал перебирать небольшие картонные листки. – Так-с: Карабанов, Карабариди, Карабасси, Карабастов. Карабаса нету.

– Как нет, не может быть!

– Извольте сами взглянуть. – Начальник паспортного стола вытащил из шкафа ящик с адресными листками и поставил его на стол. Видите – Карабариди, а потом сразу – Карабасси. Никакого Карабаса!¹²

Кунцевич повернул ящик к себе и, выхватив нужную карточку, прочел вслух:

– Карабасси, Георгий Иванович, пятьдесят один год, греческий подданный, прописан в гостинице «Одесса». А говорите, нет! Благодарю. – Кунцевич переписал все данные Карабасси в свой блокнот. – Надо же, прописан в соседнем с полицейским управлением доме! Честь имею.

В сыском его уже ждал Донской. Оказывается, что в девять часов утра к Каравье явился старик лет шестидесяти. Донской узнал его сразу – это был хорошо известный всей одесской сыской скупщик краденого по кличке Симка, а по фамилии Перельман. Оставив в квартире Каравьи городского, Донской поволок Симку в сыскную. У Перельмана незамедлительно был произведен обыск. Несмотря на то что у старика ничего найдено не было, Кунцевич принял решение его арестовать. Как и положено «ивану», Перельман молчал. Выписав постановление и поручив Донскому проверить гостиницу «Одесса», Кунцевич пошел к полицмейстеру.

– А, господин коллежский асессор, прошу, присаживайтесь. – Полицмейстер встретил его довольно прохладно.

¹² Поскольку правила дореволюционной орфографии предусматривали написание после согласной на конце слова твердого знака (ера), то фамилия КарабасЪ должна была в алфавитной картотеке располагаться после фамилии КарабасСи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.